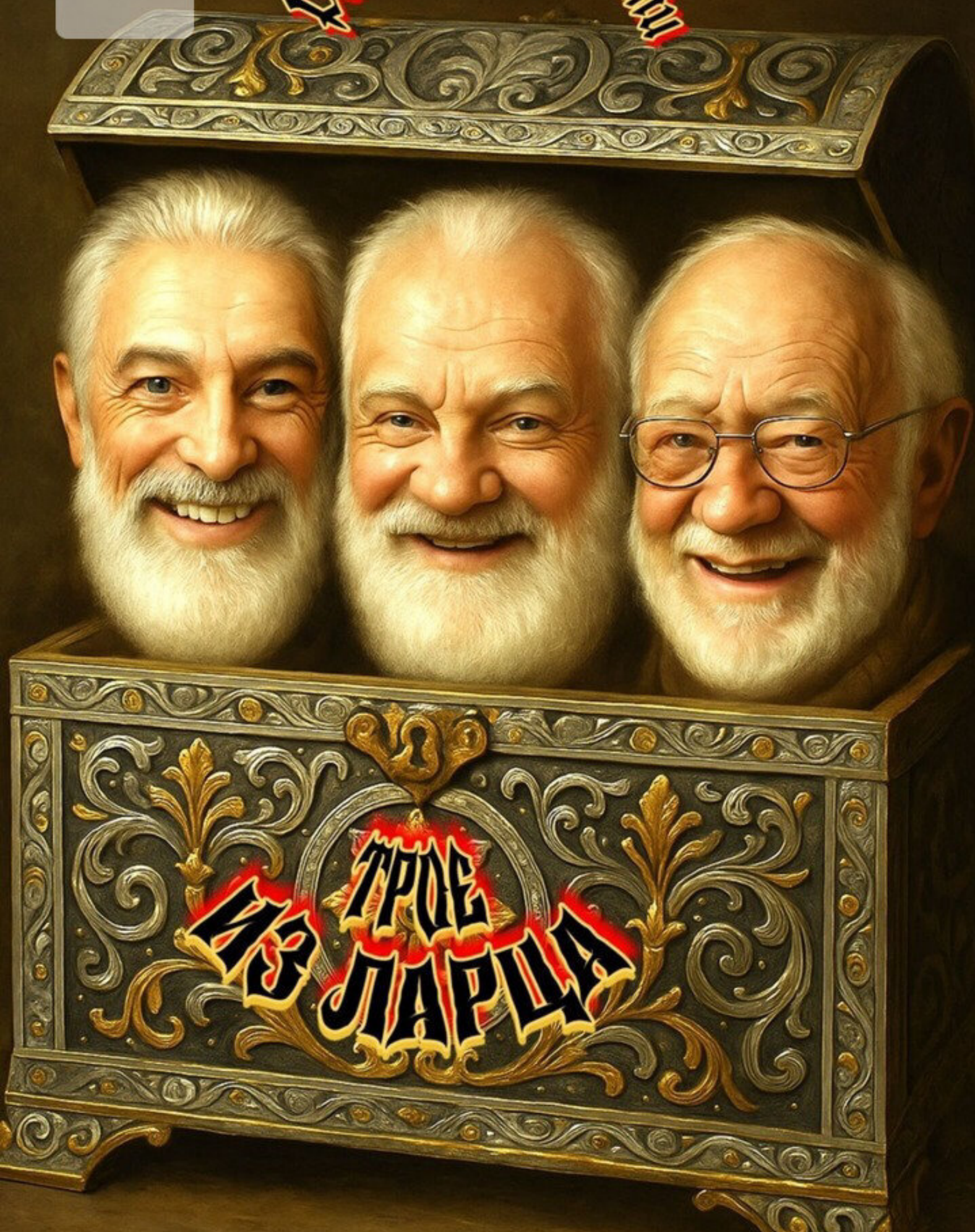

18+

Родители и посетители

Леонид Куликовский

Трое из Ларца. Рассказы и повести

«Издательские решения»

Куликовский Л.

Трое из Ларца. Рассказы и повести / Л. Куликовский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-685735-3

Эта книга — встреча трёх авторов, голосов, судеб. Они пишут в своём особом стиле — от лиричной исповеди до философской притчи и реалистического повествования. Их слова звучат по-разному, но сходятся в одном: в любви к Родине, уважении к прошлому и вере в вечные человеческие ценности. На страницах книги оживают образы родной земли, память предков, сила семьи и свет, немеркнущий даже во времена испытаний. Сборник рассказов — это живая ткань души народа, сотканная из правды, любви и надежды.

ISBN 978-5-00-685735-3

© Куликовский Л.
© Издательские решения

Содержание

ТРОЕ из ЛАРЦА	7
Леонид Куликовский	14
СКАЗКА о ПУСТОМ БОЧОНКЕ	16
СОБЕСЕДНИКИ	25
«ПЯТЫЙ УГОЛ»	35
«ВСЁ ВО МНЕ И Я ВО ВСЁМ!..»	53
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Трое из Ларца Рассказы и повести

Леонид Куликовский
Валентин Лебедев
Василий Шарапов

Составитель Леонид Куликовский

© Леонид Куликовский, 2025
© Валентин Лебедев, 2025
© Василий Шарапов, 2025
© Леонид Куликовский, составитель, 2025

ISBN 978-5-0068-5735-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Писательство – не ремесло и не занятие. Писательство – призвание.

* * *

Очевидно, писательство возникает в человеке, как душевное состояние, гораздо раньше, чем он начинает исписывать стопы бумаги. Возникает еще в юности, а может быть, и в детстве. В детстве и юности мир существует для нас в ином качестве, чем в зрелые годы. В детстве горячее солнце, гуще трава, обильнее дожди, темнее небо и смертельно интересен каждый человек. Для детей каждый взрослый кажется существом немного таинственным – будь это плотник с набором фуганков, пахнущих стружкой, или ученый, знающий, почему трава окрашена в зеленый цвет. Поэтическое восприятие жизни, всего окружающего нас – величайший дар, доставшийся нам от детства. Если человек не растеряет этот дар на протяжении долгих трезвых лет, то он поэт или писатель. В конце концов, разница между ними невелика. Ощущение жизни как непрерывной новизны – вот та плодородная почва, на которой расцветает и созревает искусство.

Константин Паустовский

ТРОЕ из ЛАРЦА **или «В начале было слово...»**

Крылатое изречение сатирика Евгения Вагановича Петросяна: «Врун в детстве во взрослой жизни становится либо дипломатом, либо писателем», не сразу приобрело для меня осязаемую и результативную составляющую жизнедеятельности.

«В начале было Слово», но не Слово Божественной Ипостаси, а слово отца моего, держащего в руках бритвенный ремень для приложения к моей заднице. Он пристально смотрел в мои невинные, часто мигающие глазки, когда я напористо врал ему, что не брал его молотка с верстака, который почему-то оказался на чурке в конце огорода среди искорёженных шестерёнок и обломков пружины старенького, но исправно несшего свою службу обшарпанного будильника.

Потом, в пятом классе, было слово учителя русского языка и литературы Валентина Михайловича, склонившегося надо мной и указывающего в мою тетрадку с сочинением, где было написано: «Израильские экстремисты вероломно напали на Объединённую Арабскую Республику!»

Я-то наивно полагал, что уважаемый педагог при всех одноклассниках похвалит меня за такое заковыристое слово «экстремист!», но у него внезапно побагровел крупный нос. Он громко потребовал от меня объяснить, что значит сие. Я в ответ что-то пролепетал несуразное, типа – «нехорошие люди». В классе раздался смех, а следом в мою физиономию полетели клочки разорванной тетрадки. Весь в слезах выскочил из класса и забился в дальний угол школьного гардероба.

Я очень хотел походить на свою старшую сестру, любимицу нашего учителя словесности; она была примером для всех учеников школы как неподражаемо и умно пишущая сочинения на любую предложенную тему, используя витиеватые, непонятные для меня слова, и за это получала одни пятёрки. По своей наивности и я решил блеснуть перед Валентином Михайловичем, дескать, и мы можем удивлять и восхищать своими «энциклопедическими» знаниями!

Став взрослее, я подружился с Женькой, сыном того же учителя русского и литературы, и почти всё свободное от домашней обязаловки время вчитывался в слово писателей-фантастов Стругацких и Беляева. И всё это – с позволения нашего многоуважаемого Валентина Михайловича Митрофанова, властелина подпотолочных стеллажей с русской, советской и зарубежной литературой.

В долгие зимние ночи, стащив у сестры толстую книгу французского романиста, я с головой укрывался одеялом. Полулёжа на здоровенной подушке, втыкал между грудью и подбородком включённый китайский фонарик, с упоением и трепетом вчитывался в строки, повествующие о захватывающих проделках влюбчивых иноземцев.

Внезапно отдёргивалось одеяло, и цепкая рука отца выдёргивала фонарик. Сурово сдвинув брови, батя высвечивал обложку книги и в растяжку, с сокрушительным обличением проносил:

– Та-а-ак... МопОссаном интересуемся? А не рановато ли?! Завтра поговорим! А сейчас спать!

Конечно же, отец не знал, кто он, этот МопОссан, и про что пишет. Но факт тот, что малолетний сын втайне читает толстую книгу, наталкивало на мысль, что отпрыск занимается вопиющим непотребством!..

В старших классах слово было молвлено в письмах знакомым девчонкам. Их было несколько. И всем хотелось писать и писать! Это было предтечей освоения эпистолярного жанра.

Не думаю, что это было злонамеренным действием – подчинить трепетные сердца девиц ажурным слогом. Вернее всего, мною руководила неосознанная сила самовыражения, от которой я получал удовольствие.

Сестра, обнаруживая под моей подушкой ответные послания, частенько стыдила меня за подобную «всеядность».

– И тебе не стыдно им всем признаваться в своей любви?

На что следовал уклончивый, полный наигранного удивления ответ:

– Но я же не виноват, если они все мне нравятся!

В театральном институте моё враньё начало приобретать форму предлагаемых обстоятельств. Здесь я оказался, как пескарь в чистой проточной воде, среди подобных себе «единовралей»!

Ползая по несвежему полу аудитории актёрского мастерства, мы «врали» своим педагогам, что являемся собирателями ягод (сценические этюды на беспредметные действия), либо представляли себя заядлыми рыбаками. Сосредоточенно разматывали воображаемые удочки, нанизывали на несуществующие крючки воображаемых червячков, замерев, сидели на корточках, вперив свои очи в воображаемый водоём, и с рёвом выдёргивали на воображаемый берег огромных, гнущих до треска удилица не существующих в реальности рыбин! Навыки, приобретаемые в этих упражнениях, способствовали нашему психофизическому раскрепощению и избавлению от боязни «четвёртой стены», то есть публики.

На выпускном курсе мы уже работали словом и телом в образах героев – ролях, служивших нам, будущим драматическим артистам, путёвкой в жизнь на большую театральную сцену.

Городской драмтеатр, в труппу которого я влился по окончании института, представлял сложный многофункциональный производственный организм, в который были включены художественно-постановочная часть, создающая материальное оформление спектаклей (столярный, бутафорский, живописно-декорационный, пошивочный, костюмерный, реквизиторский цеха, службы освещения, механики сцены и электрооборудования). Эти подразделения отвечают за изготовление и эксплуатацию декораций, костюмов и реквизита для создания спектаклей.

Творческий состав – это нерушимая связка актёров и режиссёра, определяющих сценическое действие каждый вечер.

...И было слово режиссёра, молвленное при распределении ролей.

Моим дебютом на профессиональной сцене стала эпизодическая роль Профоса, начальника полиции, по пьесе Григория Горина – «Тиль Уленшпигель».

История, представленная на сценических подмостках, повествовала о событиях нидерландской революции шестнадцатого века, о борьбе народа Фландрии за свободу.

Главный герой Тиль воплощал собой вольный и независимый дух, которому претил осёдлый образ жизни.

От читки пьесы, являвшейся своего рода эскизом, наброском будущей постановки, (где определялись события, взаимодействия между героями и сверхзадачи в целом, и где занятые актёры использовали только свою речь) – до разводки и построения мизансцен с условными выгородками и элементами реквизита уже на сцене – весь этот временной промежуток был настолько увлекательным и всепоглощающим, что мы, участники этого будущего феерического действия, которое на будущей премьере поразило зрителя масштабными спецэффектами, искромётными танцами и трюками, не ведали ни усталости, ни голода, ни жажды!..

Потом было слово зрителя, прессы районной и краевой – во время гастролей. Слово, которое грело и мотивировало на профессиональный рост. Были и главные роли. Стали узнавать на улицах, жать руку.

Однако, со временем меня начинало свербить сомнение в правильности выбора профессии актёра. Почему?.. Во-первых, драматическое искусство подразумевает беспрекословное

подчинение актёрской братии воле режиссёра. И меня эта привязка начинала угнетать и раздражать. А, во-вторых, вхождение в роль, образ сценического героя, было настолько въедливым, что порой лишал сна. И настал тот печальный момент, когда я покинул театр...

Наступил затянувшийся на десятилетия период безвременья и эмоциональной инерции, время, когда все события вокруг тебя происходили вне какого-либо порядка и перспективы. От гнёта уныния спасало чтение. Читал много и по ночам (когда не было сна), закрывшись от домашних в ванной комнате. Круг общения был сведён до минимума: жена, дети и личная физиономия в зеркале, отображающая скорбь ветхозаветных евреев, исходящих из Египта...

И прозвучало слово из уст сестры моей. Она трудилась в редакции районной газеты.

Взглянув на мою скисшую рожу, предложила попробовать себя на писательской ниве, в малых формах: последняя страница имела рубрику «Новые имена».

Прочитав в моих глазах сомнение и растерянность, сестра ободряюще потрясла за плечи и, улыбнувшись, сказала:

– У тебя обязательно получится! Вспомни, как ты крутил эпистолярные романы с многочисленными девицами, врал, не краснея, про свои высокие чувства, убаюкивая их бдительность высокопарным стилем! И, ведь, верили же тебе? Поверят и теперь!.. Вот тебе тема, – сестра подала мне сложенный вдвое листок, – К завтрашнему утру заметка должна быть у меня на редакционном столе. Договорились?

Я, резко выдохнув, дал согласие.

Векслер Абрам

Тема, которую я обязан был раскрыть в небольшом фельетоне, касалась нерадивости службы коммунального хозяйства, не обеспечившей своевременную чистку помоек между старых деревянных двухэтажек. И уж тут меня понесло!

«Зловонные айсберги под лучами мартовского солнца, на глазах дрожащих от страха обитателей трущоб, стремительно превращались в мутные потоки, а от их миазмов у прохожих соседних улиц начинали слезиться глаза и першить в горле! Над помоечным районом

поднимался скорбной песней стон страдальцев!...» И в финале – преисполненный распирающих эмоций призыв к властям: «Доколь терпеть?!»

Пробежав несколько раз глазами по своему творению, я, наконец, распрямился. С чувством глубокого удовлетворения и самовосхваления самодовольно произнёс знаменитую фразу великого русского классика: «Ай, да Пушкин! Ай, да сукин сын!»

И слава взвилась над моей седеющей главой лавровым венцом летописца районного масштаба!

Похожие обличения возымели результат. И освободившиеся пленники помоек трясли мне руку с восхваляющими моё пишущее острое перо словами: «Защитник ты наш!» Я же в ответ скромно отвечал: «Не надо оваций. Это мой долг гражданина».

Моим любимым писателем на момент, когда я стал пишущим товарищем, был Василий Макарович Шукшин. Виртуозно владеющий словом, как Паганини скрипкой, Шукшин по-актёрски выстраивал диалоги своих героев так, что возникало ощущение его, шукшинского, присутствия среди них. Верное слово Василия Макаровича и его метод предлагаемых обстоятельств я и стал использовать в своих пока ещё робких небольших рассказах.

«Ясность и сила языка совсем не в том, что к фразе уже нельзя ничего прибавить, а в том, что из неё уже нельзя больше ничего выбросить» – эта формула завершенности работы была выведена писателем Исааком Бабелем. И я старался следовать и этому правилу.

Круг моих читателей, по-прежнему, ограничивался приобретателями районной газеты, а хотелось и ой! как мечталось о расширении аудитории...

...Однажды мне приснился странный сон. Будто иду я по полю пшеничному, раздвигая руками высокие до пояса тугие, зрелые колосья. Вдруг передо мной, словно по мановению волшебной палочки, возникает сверкающий медной облицовкой терем в форме ларца. Стучу трижды в кованую дверь. Из приоткрывшейся двери высунулись по пояс с взъерошенными головами Толстый и Тонкий. Обросшие двухнедельной щетиной, уставились на меня с покрасневшими белками выпученных глаз.

– Что, пришелец, надобно тебе? – в один голос, словно роботы, отчеканили оба.

– Пустите на постой, – отвечаю им.

– А что умеешь делать? – вновь дуэтом вопрошают.

– Писать, – говорю им.

– И только? – приподняв лохматую бровь и презрительно скривив физиономию, фыркнул Тонкий.

– Я ещё и плясать могу «Танец с саблями», – хвастаюсь, – На гармошке играть и петь...

– Спой, светик, не стыдись! – с ехидцей попросил Толстый, прищулив глазки, противно захихикал.

Сделав глубокий вдох, с опорой на диафрагму, затянул во всю глотку: «По диким степям Забайкалья, где золото роют в горах, бродяга, судьбу проклиная, тащился с сумой на плечах!...»

– Берём! Наш кадр! – радостно крикнул Толстый.

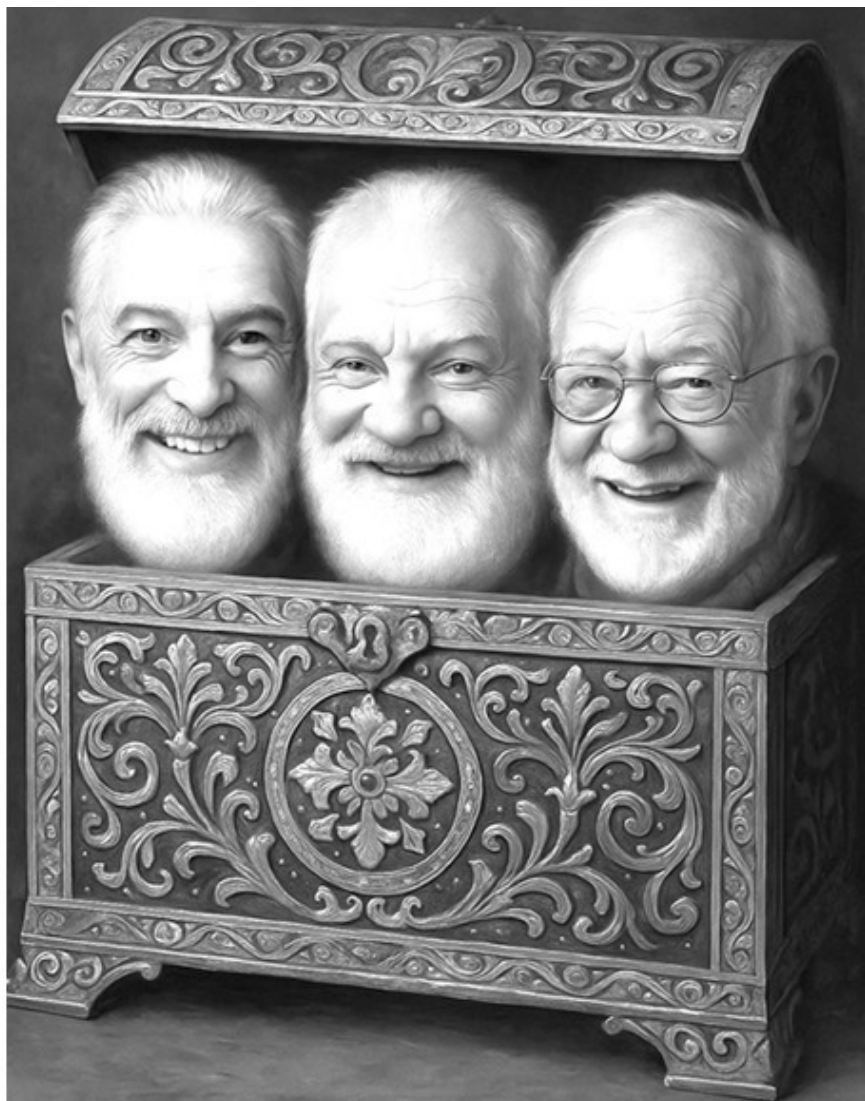
– Заходи, – с неохотой отозвался Тонкий.

Внутри ларца, на застеленном зелёным сукном длинном столе лежали две высокие стопки египетского папируса, разрезанного под формат «А-3». Тут же были небрежно раскинутые заточенные и ломаные гусиные перья. У рукомойника стояла большая, плетёная из алюминиевой проволоки клетка с белыми гусями, крылья которых были обмотаны скотчем. Один грустного вида гусь тихо прошипел: «Ещё один изувер объявился», – и мотнул головой в мою сторону. Остальные гуси в знак согласия скорбно закачали своими головами.

Усадив меня на высокий табурет, двое из ларца, скрестив руки на груди, уже нормальным, не роботоподобным голосом спросили, чтобы я желал именно сейчас.

– Мне б поесть чего-нибудь», – тихо ответил я.

– О! Это я сейчас организую! – радостно вскрикнул Толстый и резво засеменил к холодильнику.

Трое из Ларца

Одет он был весьма экзотично – в вылинявшую куртку-«энцефалитку» с протёртыми до дыр локтями, с большим карманом на груди, из которого торчали блёсны со свисающими крючками-тройниками. Брезентовые штаны, облепленные присохшей рыбьей чешуёй, и резиновые сапоги-бродни с завернутыми голенищами характеризовали Толстого как бывалого таёжника-рыбака-землепроходца.

– Я тут намерен в Карелию крутанулся, – неслоь от открытого холодильника, – Накрутил кое-какие запасы... Ты тушёнку медвежьё любишь?.. А клюкву мороженную?.. А харюзка копчёного?..

– Всё буду! – в нетерпении вскричал я, сглатывая обильные слюни и корчась от желудочных спазмов.

– А жареного гуся с брусникой?! – Толстый с сияющей улыбкой предстал перед моими глазами с подносом, на котором красовался жареный, с румяной корочкой, дикий гусь.

– Вам бы только брюхо набить, чревоугодники несчастные! – раздражённо буркнул Тонкий, – А пища духовная не в счёт?

Взяв со стола из папирусной стопки верхний лист, неспешно, с достоинством подошёл к клетке с гусями.

Одет Тонкий был в толстовку, из плотного флиса зелёного цвета, с капюшоном. На груди, с левой стороны был ввёрнут позолоченный логотип с изображением лебедя, устремлённого ввысь.

– Мною только что сотворён сей трактат, повествующий о роли этих благородных птиц в истории человечества, – наклонившись к клетке, он почесал шею высунувшегося гуся, – А вы, уважаемые коллеги, ведали, что сии твари Божии, однажды спасли Рим?

Откинув с высокого лба выющийся локон седеющей шевелюры и стряхнув с него же на прямой нос очки в тонкой оправе, пристально, поверх стёкол взглянул на нас с Толстым.

– Надеюсь, господа, что мои философские выкладки и исторические факты, найденные мною в древних первоисточниках, и общение на ментальном уровне с Плутархом и Овидием, произведут на вас неизгладимое впечатление. Итак, слушайте и внимайте!

Поднеся исписанный мелким ровным почерком пергамент к лицу, торжественно начал повествовать:

«В пятом веке до н.э. галлы захватили и разграбили Рим, и последним оплотом римлян стал Капитолийский холм. Враги начали скрытое нападение ночью, прокравшись через неприступный, как казалось им, обрыв.

Священные гуси, содержащиеся в храме Юноны, услышали и подняли громкий гогот. Гуси разбудили римских воинов, один из которых Марк Манлий Капитолийский, первым бросился к стене и отбросил нападавших вниз».

В моей руке, у открытого слюнявого рта зависло гусяное бёдрышко. Превозмогая искушение проглотить его, я продолжал слушать Тонкого.

«Другие римляне тоже проснулись, и совместными усилиями они отбили атаку, предотвратив полное падение города.

С тех пор гуси стали героями Рима, их начали почитать, а собак, которые не подняли тревогу, стали наказывать»...

Я проснулся на самом интересном месте, так и не вкусив аппетитного гуся! Сидя в кровати, долго соображал, к чему это сновидение?! С позиции эзотерики (во что я мало верил) – это означало предсказание потусторонних сил. А, может, это промысел Божий? И это Он, Всевидящий, указывает мне цель, к которой я должен двигаться?..

Освоив мало-мальски интернет, отправил однажды в «Одноклассники» небольшой рассказ. Вскоре стали поступать отзывы-комментарии от читателей на мою публикацию, среди которых оказались те (о чудо!), которых я видел во сне: Леонид, стройный, подтянутый интеллигент. С умным, спокойным взглядом, холёными тонкими музыкальными пальцами. С пышной, волнистой, посеребряной шевелюрой. И второй, Валентин. Кряжистый, с волевым подбородком, весёлым прищуром небольших глаз, среднего роста – широкоплечий мужчина.

Начался активный творческий обмен.

С присущим природным тактом, будучи поднаторевшим на писательском поприще, Леонид деликатно указывал на мои недочёты в изложении мыслей, стилистике повествования. Я сопел, соглашался, без подпрыгиваний, спокойно работать над ошибками...

Читая рассказы Валентина, я поражался чёткой и осязаемой детализацией предметов и образов, выходявших из-под его пера. «Властелин леса» – как я его окрестил, выступал в ипостаси таёжного репортёра, привнося в свои изумительные по восприятию всеми органами чувств полотна природы, свою авторскую изюминку любви! В ней, первозданной, не тронутой цивилизацией природе, Валентин черпал и черпает вдохновение. Это его стихия. Это его душа. Это его муза. Это его жизнь!..

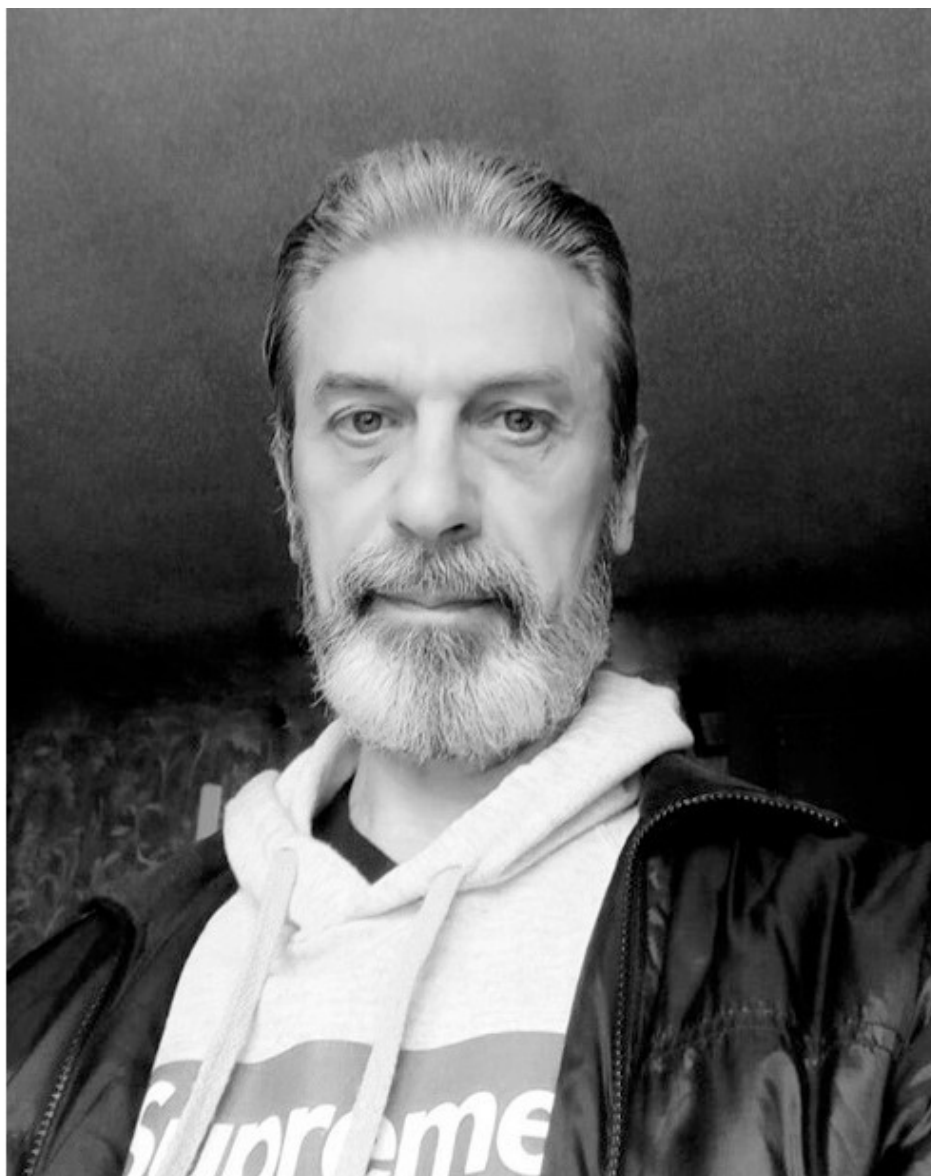
Леониду, на мой взгляд, подвластны все жанры литературы. Он по-спортивному азартен в работе над архисложным материалом из жизни замечательных людей: писателей, художников, поэтов. Используя элемент личного присутствия, он водит читателя за руку по лабиринтам жизни, чувств, взлётам и падениям, местам обитания, думам своих героев. И всё это – с пристальным вниманием, сопереживанием, с ненавязчивыми, лишёнными всякого авторского морализаторства, философскими отступлениями-размышлениями. Это ли не высший пилотаж писательский!

Все мы, Леонид, Валентин и я, незримо едины в своей духовной и эмоциональной связи, которая не видна, но сильна. И не случайно договорились мы обозначить нашу связь сказочным объединением «Трое из Ларца», где слово «ларец» выступает метафорой, символизируя задачу, которую можно решить, а также тайну или нечто ценное, требующее разгадки. И в этом нам помогает и, даст Бог, будет помогать великое русское СЛОВО!

ВАСИЛИЙ ШАРАПОВ

6 ноября 2025г. Тыгда

Леонид Куликовский

Куликовский Леонид Феликсович

Леонид Куликовский родился 14 января 1956 года, седьмым ребёнком в семье, на приiske Крутой, в двенадцати километрах от Магдагачи. Вскоре прииск был закрыт, и жители его переехали в посёлок. Всё детство провёл среди прекрасной природы, среди лесов и озёр, какие в обилие были на Крутом. Об этом немало говорится в цикле рассказов «Мозаика детства».

Отец, Феликс Иосифович Куликовский, в начале тридцатых годов двадцатого века он вместе с братом и сестрой был выслан из Белоруссии на Дальний Восток за неповиновение добровольно вступить в ряды коллективного хозяйства. Леонид писал: «По исследованиям моих родственников по линии отца, они принадлежали к одному из ветвей польских дворян Куликовских, но эта информация требует тщательной проверки, так как сам отец на этот счёт всегда умалчивал, и это было понятно, чтобы не навредить своей семье. Во второй половине тридцатых, точно не могу сказать, он с братом Романом был арестован вторично, но расследование показало, что был просто оговор на них и их отпустили».

Кратко об этом описано в повести «Однажды цыганка гадала» и очерке «Семь Я», (похоронен в Магдагачи).

Мама Шарапова Надежда Павловна выросла в богатой семье землевладельцев Томской губернии. «Во время коллективизации её отец, а мой дед Павел Васильевич Шарапов, добровольно сдал всё имущество и хозяйство в колхоз и стал его председателем, так как был в большом авторитете у односельчан».

Это время затронуто в очерках «Домой!» и «Семь Я».

В 1963 году пошёл в школу №156, в первый класс, в старое здание школы, которого уже не существует. Читай очерк «Контурь прошлого», «В первый класс», «На коммунальной квартире», «В клубах».

В 1971 году закончил восьмилетку и перешёл в среднюю школу №155 и закончил успешно в 1973 году. Рассказы «Другая школа», «Уходящий в будущее» об этом. В этом же году поступил в высшее учебное заведение, политехнический институт в городе Томске.

В 1978 году ушёл служить в ряды Советской армии, в городе Новосибирске. После демобилизации вернулся домой, в Магдагачи. Работал один год помощником машиниста на железной дороге при магдагачинском локомотивном депо. Это время упомянуто в рассказе «Перипетии жизни».

По окончании института ушёл служить офицером в Вооружённые Силы Советской армии (Витебская область, Белорусия). После увольнения в запас, переехал жить в Украину, город Кировоград (Елисаветград).

Работал инженером-конструктором, предпринимателем, заместителем генерального директора товарно-сырьевой биржи, менеджером по продажам в сельском хозяйстве, пожарником во время учёбы в институте. После выхода на пенсию подрабатывал таксистом.

Имеет троих детей: дочь, сын, дочь.

Начал писать в 62 года.

Первая книга «Мозаика детства» написана в 2021 году.

Вторая «Контурь прошлого», другое название «А ты помнишь?..» в 2022 году.

Третья «Центры притяжения» – в 2025 году.

Начал писать четвёртую книгу «Чувство сопричастности».

Первое место в конкурсе Международной гильдии писателей, в разделе «Эссеистика» – 2024 год.

СКАЗКА о ПУСТОМ БОЧОНКЕ

* * *

В деревне на краю, у самого леса, стоял простой дом, а рядом с домом, как водится, стоял самый обыкновенный сарай. И был тот сарай старый престарый, худой прехудой и двери в этом сарае болтались на ржавых петлях. При порывах ветра, дверь колыхалась из стороны в стороны и издавала пренеприятный скрипучий звук. И была осень, и была грустная пора багряных закатов, и тревожных прохладных восходов. Ветер осерчалый носился по полям и долам, бросал целые охапки сухих бурых листьев в приоткрытые двери. На небе сером и низком появились снежные тучки, предвестники скорой зимы. Они наливались иссиня-тёмными тревожными красками – будет снегопад... Сама природа замерла в ожидании, когда же с осени перевалит на зиму. Всё заждалось, всё... Кроме тех предметов, какие давно жили в этом сарае.

А жили-были здесь старый бочонок, кадушка, а рядом под полкой, прислонившись бочком к обветшалой стенке, жил старенький берёзовый туес. Потемнел он от времени, усох от возраста, но взгляд сохранил светлый, добрый, как у старого леса, какой стоял у сарая и шумел свою вековую песню.

Бочонок был давно пуст, отчего жил и горевал. Пустой?.. Да, пустой!.. Был он большой, пузатый, с обжимающими по бокам обручами, а так, как был пуст, то ему было очень грустно от этого. Вся его жизнь в прошлом заключалась в наполненности своей утробы разными пряностями, солёными хрустящими грибочками или свежей квашенной капусткой. Тогда он был при исполнении, отчего гордился своей нужностью, его аж! распирало по бокам. А сейчас, как и его друзья был брошен, потому грустил. От ненужности стал прибалывать, стареть. Обручи, что стягивали охватом по бокам, прихватило ржавчиной. Всё чаще пребывал в беспокойстве, и было отчего – глядь, ещё немного, и будут плашки с бочков подгнивать. Его нутро наполнилось заползающими букашками, но он и им был рад, хоть кому-то был полезен.

Сетовал он всё чаще, обращаясь к своим соседям, конечно больше к кадочке. Была она ему мила и не очень говорливой. Так ему всегда представлялся случай покрасоваться перед ней своим дубовым красноречием. Если бы кто прислушался чутким ухом, то услышал в пустоте помещения тихий говор между ними и понял, что здесь разыгрывается своя драма, на вполне понятном бочонку и кадушке языке, да доброму туесу. А вся драма сводилось к тому, что нет от них никакого проку и всякого полезного употребления. Туес, не сердился, что соседи мало к нему обращались в разговорах, не потому, что пренебрегали, а потому, что туес был туговат на ухо. Часто дремал в тишине, услышав обрывки разговора, невпопад спрашивал: «Ась?, да Чего?», и так далее...

Бочонок и кадочка не раздражались, они с пониманием относились к почтенным годам туеса, временами не отвечали ему. Всё равно не услышит, а вопросами утомит. В то время, когда они поселились в сарае, туес уже здесь жил с добрый десяток лет и был уважаемым предметом многих первых необходимостей. Тогда он был весь в предназначении, к нему часто приходили люди, брали его в лесок и наполняли ароматными ягодами, лекарственными травами и кореньями, а порой в него набивали до верху лесными чудными грибами. Он был нужен и полезен им... Но время шло, хозяева ушли на вечный покой, а молодые все в города подались, с тех пор и загрустилось нашим героям. Так и повелось касаться в разговорах прошлой интересной жизни, своей ценности и востребованности.

– Всякая вещь сотворённая должна быть полезной, обязана быть таковой, – гудел в своей пустоте важный бочонок, обращаясь к соседушке, – Моей натуре надобно что-то хранить в себе, а ежели не получается быть заполненным, тогда случаются всякие болезни со мною. Да, соседушка, с бочонками тоже, а вы думали разве ж только с людьми? Нет, милые мои, с вещами и предметами також.

– Позвольте вам заметить, господин бочонок, я всяко солидарна с вами. И правильно! Должно быть так, чтобы полезны мы были, а то как же... А как вспомнишь бывалыча, сейчас и становится грустно... Ох-хо-хох! Теперь хоть повспоминать былые времена, – отозвалась тут же кадочка, знала, что простой фразой надо поддержать разговор, а потом только слушай словоохотливого бочонка.

– Ась? Чего вы там молвите? Слышу плоховато... Какие болезни, что, где? – очнулся от сонливости туес. Непонимающе обвёл сонным взглядом бочонка и кадучечку, улыбнулся им, словно только увидел после долгой разлуки, а потом как бы невпопад, произнёс странную, но удивительно-хорошую фразу, – Я помню аромат свежей земляники и смех детских голосов, а ещё запах свежей хвои ранней весной, да такой, что голова кружилась и я мог прямо пить ароматы. А вы? – потом добавил своим тихим голосом, – Послушайте, главное, ведь не в том, полны мы или пусты. Главное, что в нас когда-то хранилось, чем полны мы были.

Бочонок и кадочка переглянулись, услышав эти слова, улыбнулись. Часто речи тусеса были им по душе. Оно известно, что старость – не радость, но их сосед, даже в свои годы сохранил память о главном, для чего был сделан... И память хранил только о добром и светлом... Они любили его и если он что-то говорил, пусть не в тему, о которой они шептались, всё одно было просто, одновременно и мудро.

1

Меж тем время шло, оно короталось в частых душевных беседах, задевали словом давние времена, где царила в них молодость, нужность, частота употребления и заботливое внимание хозяев к их персонам.

– Были моменты, когда меня кадушкой называли, ну право, можно ли так? – в шутку возмущался бочонок, – Этак быстренько из мужского в женский перекинули. А я помню, премилая соседushка, как вас к нам подселили, это случилось вскоре, как я познакомился с тусесом. Был, не скрою, весьма рад такому жительству. Вы, кадочка, скажу вам, прехорошенькая, из берёзы сотворённая, ладненькая. Мы чем-то даже схожи, только вы поровнее и стройнее. Вас и надо называть кадушкой. А то ишь чё удумали обзывать меня. Вы помните, какой были свеженькой, новенькой и да! весьма мне пресимпатичной. Стоите рядом и мне хорошо от такого соседства, всё ж коротать не одному время, а оно, милые мои бежит, ой бежит... Иногда я слышал ваши глубокие вздохи, видимо были пустыми, как и я. Ох! жизнь наша тяжкая... Порыв ветра промозглой осенней порой, как завихрит, завьёт и забросит в моё пустое нутро охапку осенней листвы через неприкрытые двери. Поначалу таки веселей, но потом они окончательно темнеют, и начинают гнить, а мне каково?.. Так то вот... Таить в себе этакую гниющую погань – сил нет терпеть и так до следующего лета. Грустно мне, что не употреблён по мандату прямого назначения.

Бочонок любил ввернуть в свою речь такие слова, какие никто не знал, и не слышал. Этим вроде как придавал дополнительную значимость... Потом помолчал и все помолчали, словно их мандат прямого назначения был им совсем ясен, взгрустнули, а бочонок продолжал.

– А знаете, милые мои друзья, какое мне запомнилось времечко счастливое? Было оно, когда меня полнёхонького повезли на рынок, базар там какой-то, торговать содержимым моим. Позвольте, сударушка, вам рассказать кратенько, вы ведь не бывали на базаре... Так вот, во мне были засолены груздочки сырые, их ещё молоканами прозывают. Конечно, по дороге крепенько подрастрясли меня, помотыляли из стороны в сторону, но какая же была радость побывать среди разного рода своих сородичей, бочонков. Не передать... Повидать люд торговый, это я вам скажу, чисто артисты. Всякие бывали там, от цыган, до разного рода азиатов. Почём знаю? а разговор хозяина с хозяйшкой после торгов слышал, как возвращались домой.

Кричали на базаре громко, на разных языках, чтоб, значит, подходили к ним и скупали всё. Кричат себе и кричат. А чё кричать, ежели подходи да бери, вон у меня всё нутро полнёхонько. А это, что б веселее так было... Они кричалками вроде как ценность товару придают. И ну нахваливать каждый свой товар: «Подходи не стесняйся!». Ой! сударушка, и уважаемый тусес, одни кричалки лучше других:

Внимание, внимание!
Весёлое гуляние!
Приходи народ!
Разевай пошире рот,
добрым людям здесь почёт,
всех нас ярмарка зовёт.

И громче всех кричат какие-то ряженные, ну эти, которые клоуны, на всю эту ярмарку, значит, слышно... Ещё вот какую зазывалочку помню:

Тары-бары растобары
Есть хорошие товары.
Не товар, а сущий клад.
Разбирайте нарасхват.

Знавал многие, да призабыл шибко... Лет то сколько пробежало..., – опять умолк, призадумался, почесал бочок. Его не смели перебивать о своём подумали... Своих воспоминаний короб полнёхонький, но бочонок опять заговорил, – И моих сородичей бочонков было видимо невидимо, разных видов и размеров також. Ой, были прямо богатыри, преогромных масштабов и сделаны были по другой технологии. Почему знаю, а много при мне разговоров происходило, я и слушал, набирался всего, ведь по приезду домой мне опять пустому было горе горевать.

Старый туес, словно древний летописец, хранящий в себе дыхание времени, побряхтел и отозвался из уголка своего, как будто на этот раз он всё слышал дословно и всё одно говорил о своём.

– Руки мастера были твёрдыми, когда творил меня, а солнце тёплое лилось, это было такое время, когда пахла свежая трава, когда птицы заливались кругом своим неумолчным пением, когда заполняли меня впервые смородиной пахучей, а прокладывали про меж слоями листками её. Помню ладони бабушки, шершавые, но ласковые, когда она ставила меня на полку рядом с глиняным кувшином. Вы её уж не застали, ушла она навсегда, а я помню её заботливую какую-то бережную. Знаете, когда она брала меня в руки свои, то в меня словно силушка наливалась, а она где брала её? я долго думал, да от земли матушки черпала. Поначалу то я жил в доме ихнем и слышал многое. Я слышал разговоры у печи, видел, как дети тянулись ко мне, чтобы достать сладости, спрятанные внутри.

Порою я стоял на окне, когда за ним бушевала метель, и в моём теле хранились сушёные грибы, собранные ещё в тёплый август. Я был на свадьбе, на похоронах, на именинах. Меня брали в лес, в поле, на ярмарку. Да, почтенный бочонок, и я бывал на ярмарках, справедливо вы изволили говорить. Я – свидетель жизни, простой и настоящей. Теперь я стар, потрескался, потемнел. Но если прислушаться, можно услышать, как в моих стенках шепчет прошлое. Я не просто сосуд, я память. И пока меня не сожгли, не выбросили, я буду помнить всё, что было вложено в меня, помнить буду с любовью, с заботой, с надеждой... А какая надежда во мне, чувствую доживаю свой век, да мне бы передать вам своё наследие из былых воспоминаний, а там уже и на покой пора.

Туес умолк, через минуту уже слышно было мирное посапывание, он уснул в своём уголке, а наши знакомые продолжили разговор тихо, боясь потревожить сон любимого ими туеса.

2

– Всего чаще вспоминается мне моё рождение, как щас-с помню... Для сего мероприятия, для моего появления на свет божий, использовали лучшие, что ни есть дубы, возрастом этак лет сорок и более. А как деревья были выбраны и срублены, их выставляли на улицу, чтобы они, значит, хорошенько просохли. Мастера, что меня изготавливали и моих родственников, прозывались бондарями. Ох, и нудные они были, кропотливые, но мастеровитые, да – мастеровитые. Мурыжат, мурыжат древесину – и так и этак... Годков два, али три прогревают на солнце, чтоб значит вызрела. Поленья разрезанные нужной длины, раскалывают вертикально и получают тот самый колотый дуб. Затем разрезают так, что б к середине был распил, а не через весь торец, то биш по направлению к центру... И получаются несколько плашек разной толщины и ширины, из которых в дальнейшем будут получены клепки, это дощечки для изготовления меня. Ой, братцы мои, и здесь свои премудрости, вот откель родилась фраза: «Бочки клепают». Придание формы клепкам – это процесс, могу доложить вам, требует большого внимания, поскольку нельзя допустить всяческие неправильности дерева, а это различные сколы, трещинки и сучки. Это совсем важно произвести до сушки.

Самым внимательным образом осмотренная древесина складывается на специальные площадочки, на заднем дворе мастерской. А здесь, самое главное, идёт созревание и сушка клепок, дощечек значит. И такое обязательное созревание пробегает в течении двух, а иногда и трёх лет на солнце... Что? Поливать? Обязательно! Как будто дождевиком поливают, эт чтоб убрать всяческие спрятанные и тайные неправильности. Их, как вроде, танинами прозывают. А как не усмотришь, то всяко со временем обозначаться и бочонок с болезнью окажется. Вот каково! всё очень серьёзно... – бочонок умолк, задумался, вспомнил своё появление на свет, вздохнул глубоко и продолжил, а кадушечка очень внимательно слушала его, и не было у бочонка более благодарного слушателя в целом свете. Туес подрёмывал.

– Где это я остановился? Ага... Далее надобно клепке дать окончательную форму, значит ей фигуристость придать и размер. А он зависит от размера ствола. Клепки строгаются в несколько подходов, слегка утончаются в срединной части и сужаются на концах. А далее производится образование уже самого меня, то есть бочонка.

Выструганные по нужной фигуре дощечки, то есть клепки, закрепляются одна за другой вокруг такого приспособления, с помощью которого придаётся уже моя форма. Его нагревают изнутри и поливают водой снаружи. А потом клепки постепенно затягиваются вниз и, наконец, достигают нужный размер и фигуру, уважаемая кадушечка... Знаете, другие бочонки ещё обжигают внутри, эт для хранения напитков всяческих, но меня не обжигали, не обжигали... Во мне этих напитков отродясь не бывало. Мне что попроще поохранять, да с разными солениями примириться. Так то...

– Вы, уважаемый, – задумчиво промолвила кадочка, – сложный путь рождения прошли, похожий на мой, но всё же у меня попроще... Один ладный мужичок, у которого всё горело в руках, то есть работа спорилась, тогда он стал изготавливать меня из толстой, но уже повидавшей жизнь берёзе. Сладил меня и вот я здесь, уж сколько годков пролетело... А я верю в то, что наш час не пробил и настанет время, когда мы с вами, уважаемый бочонок, станем опять нужны людям, вновь наполнимся необходимостью и нам, перед каждым сезоном, будут устраивать бани. Верить, надо, я верю и вам хочу подать надежду, уважаемый... Не должно быть забытых вещей, все должны быть нужными.

Туес было хотел тоже что-то сказать, но его поймала дрема, он зевнул и стал опять мирно похрапывать.

3

– Здесь я должен признаться, что ещё было моё счастливое времечко, – продолжал бочонок, – Вы, моя соседushка, вскользь упомянули об нём. Это когда меня подготавливали к заготовительному периоду. Знаете, всё моё пустое нутро исходило от радости. Ну посудите сами... Меня, и вас, уважаемая соседushка, выносили из сарая, где мы основательно предавались хандре и всякой скуке. Сияло солнышко и горел костерок, а в нём были видны камни, да камни, ведь их надо было раскалить докрасна, а может и добела. Перед основными процедурами брали и по чёрному отмывали нас. Поскольку за время пустого, скучного стояния мы основательно запахивались нехорошими ароматами, да и в нутре можно было видеть различных жуков, комах и прочей всячины – не люблю их, но куда деваться – надо и их спасать... Нас вымывали и заливали горячей водой, накрывали и так мы стояли какое-то время, а потом нам устраивали баню, да! самую настоящую баню. Спросите как? А вот как!..

Огромными щипцами брали из костра раскалённые камни и несколько штук бросали в меня, во внутрь. О-о! я вам скажу, как вдруг всё зашипело и закипело внутри моих и тут же меня плотно закрывали крышкой, значит, чтоб пар не уходил. В каком жару я находился, внутри клокотало и шипело долго. Пар старался высвободиться и сорвать крышку, но её держали и тогда этим самым паром моя древесина чуток распиралась, всякие организмы и ароматы исчезали вмиг, и я словно оживал и становился почти как новый, когда родился.

Но и это не всё ещё. Добрая хозяйushка собирала перед этой баней разнообразные травы и давай меня, словно вехоткой ими тереть, туды-сюды по бокам, туды-сюда, аж до блеска возможного. Запахи от трав стоят такие..., зажмуриться можно. И стою я весь чистенький, готовенький принять в нутро своё всякую полезность на целую зиму. Во как!

Разговоры порою смолкали, селилась тишина в помещении, только ветер посвистывал, да вольно пробежал по двору, потом и он удалялся в луга за деревню. Наступал вечер, в сарае становилось темно, но можно услышать, как тишина прерывалась негромким разговором бочонка с кадочкой, а потом в разговор вступал старенький туес, словно бы невпопад, а на деле, он жизнь рассказывал, он повествовал истории о лесе, где пели птицы и шептали берёзы, рассказывал о молодых ивушках и закатах, который разливался в водах бегущей речушки. О многом поведал старый берёзовый туес, а потом засыпал... Бочонок и кадочка старались не шуметь и, как могли, оберегали его сон.

4

Так миновала зима и настала пора весны. Уже не играли ветры в снежные бураны, не загуливали в хороводы и выюжные пляски со свистом. Всё теплее и теплее становилось. Соседний лес, какой стоял совсем голый зимней порой, стал принаряжаться и одевать зелёный наряд, кто платице, кто костюмчик. Деревья стали просыпаться и шептать друг другу:

– Какое прекрасное утро! Здравствуй соседushка, какой ты становишься нарядной, что и глаз не отвести.

Старый дуб кряхтел и жалобу слал вокруг, но в самой жалобе было уже что-то весёлое и радостное:

– Ох, как затекли корни за зиму... Но, чу! слышу, слышу – сок пошёл. Весна идёт, братцы.

Молодая берёзка могла бы и вовсе пуститься в пляс от радости такой, да с обогрева солнца:

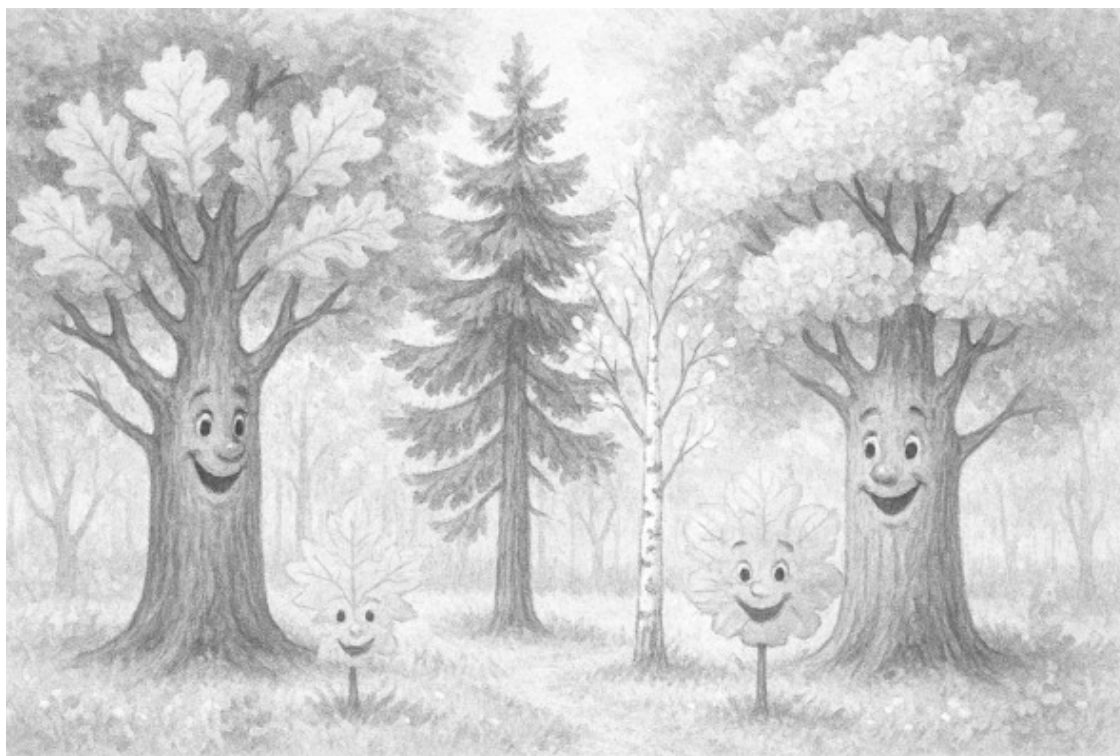
– Я уже чувствую солнце в ветвях! Поглядите-ка, милые сестрички и братцы-соседушки, почки мои набухли, как капли росы.

Все стали оглядывать каждый себя и вправду у многих набухли, а иные уже выпустили в свет зелёные клейкие листочки. Все обрадовались загалдели наперебой. Послышался голос сосны, она им вторила с вершины сопочки, что поднималась сразу же за молодняком:

– Ветер здесь вольнее и прибежал с соседних лесов, шепчет мне с юга: снег тает, уходит, звери проснулись. Скоро птицы вернутся. Вот будет гаму то.

Осина, вся трепещущая на ветру, уже листочки свои липкие распустила дрожащая:

– Ой! Вы знаете?.. А я боюсь. А ну-ка, как мороз вернётся?

Дуб, который кряхтел, теперь был с улыбкой, сквозь могучие ветви пропускал шальной ветерок и даже забавлялся с ним, припевая.

Дуйте, дуйте,
Ветры, в поле,
Чтобы мельницы мололи,
Чтобы завтра из муки
Испекли нам пирожки!

– Ну чисто дитя ещё, ей Богу, не бойся... Душа моя, весна – как старая песня. Она всегда возвращается, даже если запоздает. Забыли вы, как хороводили тута девицы-красавицы, как песню певали, скоро, скоро появятся опять.

Жаворонки прилетите,
Студёну зиму унесите,
Теплу весну принесите:

Липа вспомнила и улыбнулась, а после сказала задумчиво:

– А помните, как в прошлом мае лиса оценилась под моими корнями, принесла сразу троих лисят?

Все опять заговорили, хором, тут берёзка весело подключилась:

– Ой да! А в моей тени зайчата прятались... А ещё я вспомнила, как люди пели, ой задорная же была песенка:

Если речка голубая
Пробудилась ото сна
И бежит бежит, сверкая —
Значит к нам пришла весна!

И сосна не утерпела, тихо промолвила:

– Помните, однажды, набежала синяя туча, гремела сильная гроза, а мы стояли, не шелохнувшись. Сказывали, что в лесу соседнем дуб столетний расколола молния. Вот страху было...

Дуб раскатисто молвил:

– Мы деревья, а вместе мы – лес. Мы память свою храним. Мы – дом для друзей. Мы защита от врагов...

Молодой клён робко вставил свою реплику, боясь потревожить собою уважаемых и маститых деревьев:

– Уважаемые, видите ли, я только первый год живу. Очень хотелось бы брать с вас пример, вы научите меня, как быть деревом настоящим?

Склонились тогда все над молодыми побегами, пошептались между собой все в круг стали и зашелестели листвою:

– Обязательно научим, это нам любо! Мы научим!.. Главное – слушай ветер, пей свет солнечный, наливайся живительным соком. Ничего не бойся и расти, несмотря ни на грозы бушующие, мороз трескучий, да смену времён года. Всё для нас благо, мы вольные, мы стоим под небесами целые десятилетия и своей зелёной кроной не раз спасали от зноя путников в края далёкие... И ты так делай!

Ещё долго были слышны голоса деревьев, которые жили всегда мирно и в согласии друг с другом, защищая слабых, закрывая их в зной своей тенью, а в бури дождливые первые встречали своими стволами натиски разных стихий.

* * *

И в сарае дела стали ладиться, домик купил новый хозяин, всё внимательно осмотрел и стал потихоньку прикладывать ко всему свои деловые мастеровитые руки. Починил сарай, навесил новую дверь, зашил все щели, куда заглядывал ветер, вставил маленькое оконце. Теперь стало немного светлее нашим обитателям. Кадушку и бочонка вымыл, прочистил до запарки их в их бане. И здесь бочонок не воздержался от своей словоохотливости.

– Да-а... Вот ведь какое дело. Полезность должна быть всем и во всём. А какой смысл существовать для себя, только для пользы, а как только для себя, то что ты что-то нулевое, даже не нулевое, отрицательное, А ежели её нет, то надобность в тебе отпадает и тебя, как того старого туеса берёзового возьмут и костерок станут растапливать. А всё ж таки жаль его шибко. Он многие лета был полезен и служил хозяевам исправно, да! очень исправно. Незаменим был там, где мелочи всякой приют надобен был. Да вот состарился и полезность свою всю истратил. Грустно... Но как закончил, он сгорел для блага людей, на самый свой последок, его существование огнём пошло и весь он исполнился долга. Наш час ещё не пришёл, но годы бегут, и старость совсем не за горами, когда наклонят на бок выкатят на двор, а там уж... Но мы ещё послужим, так говорю, кадушечка?

Они были пусты, но наполнены до краёв добром и были полны памятью о друге своём – туесе!

Сентябрь, октябрь 2025 года

СОБЕСЕДНИКИ

или Дядя Коля и петух

1

На одной из улиц окраины города, где сплошь были частные дома, можно было увидеть необычную картину. Необычность была в том, что рядом с мужчиной, шагающим в магазин, шёл подпрыгивающей походкой обыкновенный петух, да самый настоящий живой петух. Ничего необычного, конечно, не было в самом петухе, но постоянное им сопровождение мужика составляло и необычность, и комичность, и виделась какая-то загадочность. Дело в том, что этот петух, кроме его красивой для петуха внешности, был он по-собачьему предан своему хозяину. Шёл за ним неотступно, заходил в помещение магазина и сколь бы с ним ни воевали, ни пускали внутрь, всё было бесполезно. Ничто не могли противопоставить пернатому другу. Если его не пускали, он изощрялся проникать в помещение между ног зазевавшегося посетителя и в мгновение оказывался рядом со своим хозяином. Тут и там раздавались усмешки, что мол надо давно сварить суп из петуха, чтобы он не морочил головы почтенным покупателям, а продавец и подавно была самой обыкновенной злокой, пророчила петуху место в самом лучшем и вкусном холодце мира. Ещё одна была странность: петух старался никого не подпускать к своему хозяину, оберегал его от всякой твари, как четвероногой, так и двуногой. Местные шавки уже пытались «приструнить» бойца, но с визгом и скулящим воем, что есть мочи драпали от атакующего петуха. Знали, знали пришельца...

Линдсей Кустуш

Странность эту испытали многие соседи и знакомые дяди Коли, так звали петушиного хозяина, физически, когда зазевавшись и забывшись, подходили поговорить. Тут же получали порцию птичьей ярости. Своими маленькими лапками петух бил так, что они казались железными прутьями. Происходило это молниеносно. Подвергшийся нападению, сразу и не мог сообразить в чём дело, инстинктивно отпрыгивал и ретировался на безопасное расстояние. Возмущению их не было предела, однако прибить петуха никто не решался, хорошо знали его хозяина. Некогда был крут и силён. Но всё по порядку...

– Да уйми ты своего цербера, – просил какой-нибудь встречный дядю Колю, – Прямо спасу нет от его лап... И что ты вечно с ним ходишь, ни поговорить, ни покурить нельзя, так и опасайся его ярости. Возьми его на привязь что ли, как пса цепного...

Тогда дядя Коля строго говорил своему спутнику.

– Ты, это... Не петушись!.. Ослабни малость, – охранник, услышав строгий голос хозяина, прятал свою воинственность, – Хорошо... Так-то вот, – после слов этих, словно понимая, петух склонял головку, внимательно смотрел на своего обожаемого хозяина и как будто вникал в смысл произнесённых слов. Прыть свою и петушину бурность умирал, стоял рядом, дожидаясь, пока его хозяин разговаривал с соседом.

Часто навстречу попадался старичок, дед Тиша, а попросту Тишка, старенький худенький, большой любитель поговорить, ему бы слово молвить, как покушать манны небесной, любил очень любил с кем-нибудь «погутарить». Жил он давно один в конце улицы, как раз около леса. Часто пропадал днями куда-то. Спрашивали:

– И куды подевался, дед, а...?

– А в леса ходил, милаи, в леса..., ой! хорошо тама, прям душенька сугрелась.

Набирал трав, кореньев всяких, засушивал под крышей ветхой избёнки, не дед, а какой-то Дедвсевед. Лет ему было «на полтыщи», как о нём говорили соседи, но откуда бралась жизнь в этом истрёпанном тельце? – оставалось загадкой. Помнил времена переселений в Сибирь и на Дальний Восток, помнил выбросы народа с Украины в «энти самые места», и сам признавался однажды, что мол «гдента под Чернигородщиной хатына стояла». Он всё ходил, встречал соседей, заводил с ними разговор, помнил всё подробно, знал про всех всё, как будто стекалась вся информация вселенной сначала к нему, а уж он распределял ручейками «каждому» встречному. Уж многие завидя издали деда Тишу, старались юркнуть в подворотню к кому-нибудь или на худой конец, перейти на другую сторону улицы, абы не сболтнул лишнего чего и «откель только знал?». Но он и на противоположную улицу кричал, доставал словом. Навроде юродствовал перед некоторыми, а они и не любили его.

– Ты, Марья, попей-ка такого-то отвару, оно и попустит тебя, а то извелася вся...

И кто слышал, тот вопросом задавался, а что с Марьей и вопрос нёс дальше на пересуды. Что поделаешь – деревня...

Зря не любили, свет нездешний исходил от «ентого» деда. Не замечали, как постояв, поговорив и вроде ни о чём, а становилось на душе легче и как будто здоровье крепчалю. Не замечали!.. Вот и ходил по земле человек с виду ветхий, а душой великий, божий... Увидел дядю Колю с опаской подошёл, захотелось слово молвить.

– Ты ето, с магазину что ль бредёшь, а я смотрю Колян со своим пернатым. Придержи, придержи его малость... Да откель ты сыскал ету фурию, прям с того свету достал. Ну спасу нету от нёго людям. Пугает он их дюже, попрдержи своего дружка, попрдержи...

Говорил так, для отрастки, петух его не трогал, только поглядывал своими жёлтыми глазками, часто моргая белесыми плёнками.

– А чего это ён деда не трогат? – спрашивали дядю Колю.

– А тому, что человек он Божий, вишь даже петух чувствует, а вы дразните его. Эх вы! племя слепое.

2

Город недалёкий жил своею жизнью, гудел, сигналил и бешено мчался на автомобилях, автобусах, ревел «скорой помощью», полицейскими, пожарными, изнывал в сутолоке да суетливости. Жизнь пригорода не была похожа на городскую, здесь время текло не скачками и гонками, а размеряно и чинно, как в старое время, когда слышалось только конское ржание, да свист бича пастуха коров... Звуки города долетали до пригорода, но были рваными отрывочными и не беспокоили жителей Старо-трактовой улицы. Асфальта на улице не было, почва песчаная, не пролететь на мотоцикле, не полихачить на машине без глушителя и упиралась в самый раз в сосновый бор. Какое тут лихачество, простору нет для гонок. Здесь и грязи сроду не бывало, вся вода уходила в песок. Сосны, что окружали это ответвление пригорода стояли прямыми высокими корабельными стволами, кроны шумели, гудели на ветру и особый запах, особенно после дождя, кружил головы жителям. Привыкли к месту, прикипели да так, что и поколения молодых возвращались в дома родителей, отстраивались, возводили коттеджи – «катежи», не выговаривая сразу называли дома старые жители. На этой улице давно поселились родители дяди Коли и он, помотавшись по свету, вернулся в родные края, женился

на местной красавице Насте, остался жить-поживать на своей земле. Так позже поступил и сын его, Анатолий.

Дом новый большой отстроили рядом со старым, но дядя Коля, как его все называли в округе, в новом доме жить не стал, он остался в старом, но добротном небольшом домике, какой ещё помнил хозяйку, не всё выветрилось со времени ухода её на покой. Домик располагался немногим глубже, подальше от улицы и перед ним уже раскинулся новый двор. Окнами другой стороны домик смотрел на огороды, далее на сосновый бор. Шумел вековой бор, раскачивал своими макушками, весело распевал залётными птицами. За ним, бором, раскинулась пойма реки, по весне затопляемая паводком. И где то там, вдалеке виделась другая часть города, его хвост, который раскинулся по берегу сибирской реки. Хорошо было здесь, тишина, покой... Заходил часто сын, но зная отца, старался не докучать. Осторожно и уважительно спрашивал:

– Привет, батя! Надо ли чего? – хотя заранее знал ответ, что всё хорошо и всё есть. После такой, уже установившейся церемонии, он подходил обнимал отца и уходил по своим делам. Вроде и ничего особенного не было в прикосновении сына, но на душе дяди Коли становилось легко и просто. Сын, будто снимал с него груз, оттягивающий плечи и придавливающий спину. Дядя Коля, после похорон своей подруги жизни, не то чтобы сник, а как-то чуть сгорбился, что-то придавило некогда стройного мужика. Сын его так и посчитал, что обязательно надо зайти к отцу и простыми прикосновениями снимать тяжёлые думы. Много ли надо человеку – ощущение необходимости, нужности. Не часто, но бывало Анатолий задавал вопрос, и «батя» словно оживал и спокойным голосом подробно отвечал и разъяснял. Два поколения, кровью спаянных, нужных друг другу и родных.

Был в своё молодое время дядя Коля горяч и своенравен. Гроза местных парней, да зарвавшихся сверстников. Частенько «направлял на путь истинный» убедительным аргументом, своим кулаком, так сказать владел мастерски языком жестов, который хорошо понимали местные молодцы. Бывал и сам битым, однако спуска не давал, потом выслеживал и места было мало на земле обидчикам.

Годы шли, порою бежали. Чёрные волосы засеребрились, а с ними укрощался нрав дяди Коли. Он переплавился прожитыми годами и вошёл в свои годы уже со спокойным рассудительным характером, много повидавшем, немало пережившем. Удивительные метаморфозы совершаются в жизни. Вроде всё говорило, что где-то сложит свою буйную головушку тогда ещё Николай, неуёмный житель планеты, ан нет!.. Какая-то силушка сдерживала, направляла, защищала его и привела к пониманию прелести утра, алой зари, набегающего дня. И цветы приобрели в его глазах совсем другое значение, которых раньше не замечал, а как ушла его жена из мира живых, то не посерело вокруг, не утратило значения. Он, словно глазами своей подруги стал озиаться вокруг и видеть то, что ускользало от него раньше, мимо чего проходил, как бы за ненадобностью. А вот весёлый нрав и любовь ко всему живому передалось от жёнушки теперь ему самому. Удивлялся себе, как ему удавалось не замечать всего вокруг, как много красивого рассыпано по полям и лугам, какая прелесть в утренней песне, если где долетало до него, останавливался, заслушивался. Однажды услышал по телевизору, который редко смотрел, песню:

Выйду ночью в поле с конём,
Ночкой тёмной тихо пойдём.
Мы пойдём с конём по полю вдвоём,
Мы пойдём с конём по полю вдвоём.

Он замер, вслушиваясь... Чем-то далёким и одновременно близким повеяло, коснулось лихой славы и ристалищ булатных, послышался бег табунов по степям и железный звон скре-

щённых мечей. Как такое могло быть? Откуда слышалось?... Что такое? А далее вовсе сразили слова песни простотой и красотой своею:

Дай-ка я разок посмотрю —
Где рождает поле зарю.
Ай, брусничный цвет, алый да рассвет,
Али есть то место, али его нет. [1]

«Ай, брусничный цвет, алый да рассвет...» — ишь ты каково! — удивился дядя Коля, прослушав песню. «Ай, да песня! Какие слова!» И он увидел картинку этой песни, живо представил, и она вошла в него. Что-то перевернулось в представлении Николая, стал видеть глазами сердца, душа зарделась, запела вместе с певцом. Вошла той глубинной жизнью, какая стучалась к нему раньше, а он не пускал в себя, отворачивался, как от надоедливой мухи. Потом долго удивлялся, как же так просто можно дать миру свою душевную боль и чувство красоты словами, какие часто в отдельности слышал, но вот услышал в сочетании друг с другом и поразился! Он никогда раньше не обращал внимания, как и почему?... «Это каким надо быть камнем, чтобы не замечать?..», — сокрушался он и долго повторял про себя слова песни, если забывал слова, то мелодия звучала в нём. Потихоньку наполнялся он чем-то значимым, важным и теперь слова его подруги: «Да посмотри же, Коленька, как всё прекрасно вокруг!» стали не просто понятными, а проникающими до души. Они птицей начинали парить и заставляли замечать прекрасное.

Уход его Настеньки встряхнул, вывернул на правильную сторону, дал толчок к размышлениям, глаза открыл на вокруг происходящее. Много слышалось голосом его жены, на многое посмотрел её глазами. И ещё пуще прежнего заныло, заболело внутри... Крепко любил свою Настю, ласково называл её «Настенькой», но любил простой мужицкой любовью, принимая её любовь и преклонение перед красотой причудой женской, она вроде дополняла её, а Николай просто позволял себе смотреть на всё это, как на прихоти недалёкого женского каприза. А теперь ему открылась широта души его жены, её тонкое восприятие хороших сторон жизни. От этого становилось радостно и одновременно муторно на душе. И когда надломилась суровость характера, то побежала слеза из глаза, потом обильней пошла, полилась и он заплакал. Заплакал никогда не плакавший мужчина. Его рыдания усиливались, потом забили, забили его всего. Он плакал не слезами горя, а выплакивал и доставал наружу душу свою, какую сколь мог помнить, хоронил у себя далеко, далеко на задворках, в потёмках.

— Настя, милая Настенька, протяни руку мне, мне бы прикоснуться к ней, просто прикоснуться, а там я уже сам, сам... Дурак я чёрствый, камень неотёсанный, как я мог не замечать, не видеть то же, что видела ты, душа моя... Милая, протяни руку!

3

Однажды, как запланировано было жизнью, у сына дяди Коли, Анатолия, случился день рождения. Конечно, он был не первый, не второй, а несколько десятков пробежало. К виновнику торжества стекались гости в деревню, а пригород можно было обозвать деревней, своя жизнь, свой ритм... За длинным столом рассаживались они, наступал долгий поздравительный и утомительный ритуал. При этом все ждали ещё одного гостя.

Балагур и весельчак Родька, друг Анатолия, как всегда приезжал в разгар веселья, какая была причина опаздывать, никто не знал, но все привыкли и знали, что он появится попозже, появится да отчебучит что-нибудь. То нарядится стариком, то..., в общем скучно с ним не было, умел подать и себя, и то, что дарил. На сей раз привёз коробку, а в ней что-то беспокойно ворочалось и издавало какие-то звуки. Их сразу разобрать было нельзя. Поставив

коробку на стул, он слегка постучал по стенке. Послышалось беспокойное кокотание, похожее на беспокойные петушиные звуки, какие в деревни конечно же знали. Кто в коробке? Петух?.. И действительно, вскоре из отверстия для воздуха показалась голова «подарка», с ярко красным гребнем, красивая, но испуганная и уже издававшая тревожное возмущение, а потом во всё петушиное горло провозгласившая «Кукареку!», то ли с испуга, то ли стараясь утратить сидевших за столом... Было так неожиданно и громко, что все притихли и смотрели на обыкновенного петуха, как на чудо. Да, товарищ в подарок привёз живого петуха, так просто, по приколу, чтобы не было, как у всех, и чтобы «подарок» этот в дальнейшем послужил блюдом хозяевам.

– Пусть День твоего создания будет ярким и красочным, дружище! Пусть у тебя будет все, всё, о чем ты давно мечтаешь, и даже чуточку больше! – при этом он поставил коробку на стол и добавил стихами, которые видимо тут же и приготовил спонтанно, так как баловался ими давно и слыл неплохим стихотворцем при всём своём балагурном характере.

Поздравляю с днем рожденья!
Я желаю сил, везенья,
Не встречать в пути ненастья,
Пусть царит лишь смех и счастье!
Солнца, радости, удачи,
Пивня^[2] белого в придачу.
Руки шире открывай,
Поздравления принимай!

Раздались сначала робкие хлопки, потом все вдруг спохватились, принялись хлопать и поздравлению, и виновнику торжества. После хлопков слышались редкие возгласы про суп, да про холодец, какие славно получатся из «пивня».

Дядя Коля при общем веселье неотрывно смотрел на петуха, который и вовсе потерялся при таком шуме, подошёл к коробке и сказал:

– Иш чё удумали, на холодец пустить тварь живую, не дам!

– Дядя Коля, ты его подкорми, подкорми, а то тощей больно. Будет тебе отличный холодец.

Народ продолжал веселиться и шуметь.

– Э-э... Вам бы всем погоготать, зубоскалы недалёкие..., а здесь жизнь. Да она в петушином теле, а всё одно – жизнь. И сердце бьётся у него, и мир в глазах видится. Не можете разглядеть за дремучестью своею душу птичью, а она есть, есть. Вишь, как спугался бедняга – зашлося сердце... Э-э... Да что с вами языки точить, – дядя Коля махнул рукой, – Сказано, не дам! – взял петуха под мышку отправился к себе во флигель.

Ещё долго усмехались гости, сыпались шутки, остроты, вспоминали случаи с петухами, но потом прекратили... Отец Анатолия был в почёте и любим сыном. Любили его и друзья Толи. Любили за спокойный обстоятельный разговор, какой затевал дядя Коля, если его спрашивали по какой-либо надобности, за свойство незаметности, но и сразу замечали отсутствие, если не было поблизости. Удивительное свойство человека, быть незаметным и одновременно нужным. Такое редкое свойство пришло с годами, укрощением себя и выработкой трезвой, рассудительной мысли. Давно, тому лет несколько назад, попалось на глаза выражение: «Я Премудрость, обитаю с разумом и ищу рассудительного знания». [3] Сначала просто запомнил её. Она понравилась ему, ещё не понимая почему, зачем и не улавливая смысла её, а с годами стал вникать в глубинное толкование слов мудреца.

– Ишь, как ловко! – «обитаю с разумом», это что? Значит, всякий человек, на своём уровне должен жить с умом, по уму и выше, а ещё, значит, искать «рассудительного знания».

Ишь ты!.. Век живи, век учись, по-простонародному, так выходит? – спрашивал себя и отвечал, – Так! Вот ведь сколь мудрёного рассыпано по земле нашей.

С тех пор, как у него поселился петух, жизнь обрела более беспокойный характер. Поначалу утрами резко вскакивал от раздражающего крика певца, возвещающего, что утро наступает, потом привык и было бы странным, если бы петух не прокукарекал. Затем смирился с почти постоянным «приговариванием» своего спутника, когда тот ходил на лапках по комнате и заводил свою одному ему понятную петушину «речь». Потом дядя Коля привык к кококанью, а может и наоборот была очередность привыкания, кто мог сказать? – никто. Однако присутствие петуха под боком, помогало дяде Коле, как ему казалось, понимать язык петушиный, с одной стороны беспокойный, с другой убаюкивающий.

С какой интонацией кочет произносил одинаковые звуки, которые сначала казались, что одинаковые, а потом явно различались довольные, голодные или радостные. И через какое-то время без петушиного «разглагольствования» быт дяди Коли трудно было представить.

Тёплыми летними вечерами дядя Коля любил выходить на крыльцо, садиться на ступени и выкуривать сигарету, при петухе он перестал в доме курить. Садился, затягивался дымом, запускал в небо взгляд и вёл беседу, с кем спросят? да с петухом!.. Петя тоже выходил, он не оставлял хозяина одного, прикипел к нему намертво и ничто, ничто не могло его остановить. Днём ли, ночью вставал дядя Коля, петух был при нём, нёс службу исправно, он и был похож на гренадёра, всегда на выправке «во фронт!». Спал он или не спал, было непонятно. Словно пёс сторожевой держал вахту, только вместо гавканья, он владел своим «кукареку!»...

На крыльце дядя Коля заводил разговор, а получалось, что вёл беседу с петухом, забавная была картина для глаза со стороны. Кто знал, привыкли...

– Видишь ли, душа твоя в перьях, какая жизнь настала..., – петух уже учёный, весь уходил в слух, прекращал кокотание, только изредка менял местами глаза, в смысле поворачивал свою головку одной стороной, потом разворачивал другой и слушал, слушал, – Я тоже думал,

что жизнь это просто пробежка на длинную дистанцию, ан нет! не того... Жизнь, брат, такая штука, что кроме пробежки, есть такие остановки, какие могут пристолбить тебя к одному месту и ты, что жук перевёрнутый, только лапками сучишь, знаешь жука, видел? как он перевёрнутый старается опять стать на эти, лапки свои. А-а знаешь... Хорошо!.. Так вот эти остановки надо быстро скорачивать, чтоб не засосали болотами своими, а у меня много было таких остановок с болотами. Да, брат, были, покурлесил по свету белу... Я, душа твоя петушиная, всё искал такие остановки, где бы мне было хорошо, комфортно... А-а, не знаешь, что такое комфортность? ну да ладно короче, где хорошо и уютно... Теперь понятно? И часто в этих самых остановках идёт обман, потому как болото любит обманывать путников, стараясь заманить в свои бездонные пропасти, так и остановки в жизни стараются сбросить с ритма её, чтобы не было взмахов крыльев твоих, знаешь, подрезать их стараются... Должны быть у человека, вот как у тебя крылья, чтобы был простор в мыслях, было куда взлететь ими, озирнуться, поглядеть дали степные, да леса бескрайние, а ещё что? А ещё поглядеть красоту земную, без которой душенька не разворачивается, слушаешь? Хорошо! Душенька не разворачивается и пожирает в коконе, а может и задохнуться, вот как у меня было, да мне помогла развернуть моя Настенька. Может трудно понять голове твоей петушиной, ну всё одно слушай, – и петух, не шелохнувшись, слушал словно понимал всю сложность заковыристость жизни человеческой.

В большом доме слышалась какая-то возня, видимо расшумелись ребятишки, все уже знали эти минуты, когда дедушка курил на крыльце, а рядом бдил его бессменный гренадёр-петух. Анатолий шикнул на них:

– Не мешайте деду поговорить, потом сбегаете к нему и побудете, но чур уговор! не шуметь и не кричать, знаете петух не любит, да и дедушке шум мешает. Уговор?

– Так вот, о чем я?.. А-а, о дороге и остановках. Была такая остановка, когда мне пришлось очень горько пожалеть, что остановился, был молодой горячий, знаешь каково это? Знаешь!.. Рядом со мной были дружки, головы такие же горячие, бесшабашные, даже забубённые. Опять не знаешь? Ой, да это одно и тоже почти – разгульные... И подбили они меня на разбой пойти, так как я был самым бесстрашным. Так вот уговорились, разработали план, раскинули своими мозгами, как и что и сколько на брата денег выйдет, а дело-то было, я сказал, разбойное. Значит – велик риск был во всё мероприятие таком, нехорошее замыслили. Да меня вовремя спасла другая «остановка» та, где была моя Настя. Она, понимаешь, спасла меня, увернула от соблазна лёгких денег, будь они неладные. Мои дружки, было хотели мстить мне, да не с тем связались, «уговорил» я их по отдельности оставить меня в покое... А дальше уже было меньше остановок, только одна, да такая, где мне дыхание перехватило, понимаешь, там даже воздуха не хватало, это ты разумеешь? Дальше не то что бега не виделось, я и шага не видел, куда ступить. Тогда умерла моя Настя, понимаешь, это такой человек, какой был дороже меня, выше меня. Она должна была дальше идти по жизни, а мне бы остановиться и вместо неё... Почему так, а? Можешь ответить? Не можешь, и я не могу, до сих пор не могу... Выходит, что дальше мне идти надобно за двоих, за себя и за неё. Вот такая сложность и порою непонятность жизни человеческой.

Дядя Коля умолк, задумался, по лицу пробежало воспоминание о Насе, туманом легло. Посуровело выражение, а взгляд убежал мимо дома, леса и куда-то вдаль, туда, где были звёзды, которые ясно усыпали небо. Со своих высот, подмигивали людям на земле и сидящим на крыльчке. Среди них, казалось дяде Коле, была звезда и его Насти, не могла не быть. От этого становилось легче на душе, жизнь новая, без неё, приобретала всю серьёзность, значимость и ответственность. Она видит его!.. Тихо, не шелохнувшись, рядом сидел петух. Вечер тихо входил в ночь, ребятишки, какие шумели тоже притихли, не прибежали. Засиделся он в своих думах, а они, помня наставление их отца, не решились тревожить.

Жизнь так же и бежала бы, не быстро и не ползком, а шла и шла. Шла пока не вскочила в неё «остановка», да такая, после которой надо было опять приходить в себя и пускаться в путь, через не могу, через не хочу. Конечно это было не так, как в ранешней «остановке», где осталась любимая жена, а ему пришлось продолжать без неё путь по жизни, но...

В один из дней, когда всё светилося, пело, когда солнце продолжало свой бег, дядя Коля пошёл в магазин, рядом с ним шествовал неизменный страж и друг, красивый петух, с гребнем красным, при красных серёжках и с довольным звуком «ко-ко-ко». Было всё, как обычно, дядю Колю останавливали, приветствовали, но издали, он не любил останавливаться, когда шёл к цели, в магазин. Потом, пожалуйста, останавливайте, разговаривайте, милости прошу! Навстречу из проулочка вывернул сосед, товарищ Тольки, с доберманом на привязи. И всё бы хорошо, но когда поравнялись пёс, который был на привязи, просто на ошейнике, без удавки, вдруг вывернулся, выскочил из ошейника и чрез мгновение был возле петуха. Реакции доберманов можно позавидовать, никто не успел рот открыть, как пёс схватил петуха за шею и с силой сдавил челюсти.

Только хрустнуло в зубах собаки, голова петуха обвисла, а хозяин его не успел среагировать, спасти своего друга. Однако в следующее мгновение собака повисла в руках дяди Коли, беспомощно и обречённо. Некогда сильные и цепкие пальцы обжали горло добермана и сдавили стальной хваткой. Ничего нельзя было сделать, не спасти собаку, как не кричал ему хозяин её.

– Дядя Коля, не надо, пожалуйста, не надо!..

Это «не надо», не спасло бы пса... Дядя Коля слов не слышал, он тяжёлым взглядом смотрел на извивающегося на весу добермана и вдруг!.. Увидел глаза собаки жалостливые и кроткие. Они не то чтобы молили, а были растерянными, непонимающими «За что? Я ведь собака, у меня инстинкт...». Так и смотрели друг на друга в упор.

Хватка ослабла, ещё раз посмотрел на собаку, отдал его хозяину, взял на руки бездыханное тельце петуха и бережно понёс домой. Не сразу сообразили в чём дело сын и внуки, а когда увидели серое без кровинки лицо их родного человека, вопросов не задавали. Сын подошёл молча обнял его и помог присесть на его любимое крыльцо. Рядом положили петуха. Смотреть на друга своего дядя Коля не мог, не мог видеть заплывшие белесым глаза, не мог он слушать тишину без понимающего петушиного кококанья. Потерялись красота цвета гребня, серёжек, они стали мертвенно бледны, оранжевыми, бескровными.

– Нет! на холодец я его не отдам, сказано, не отдам! – сказал ни к кому не обращаясь, потом добавил глухо, – Толя, заверни его во что-нибудь, я позже схороню пойду...

Позже дядя Коля вышел за околицу, далеко ушёл, подальше от людских глаз, чтобы здесь в лесу схоронить своего спутника последних лет. Вырыл ямку, положил в неё трупик и накрыл землицей. Сел подле холмика и посмотрел с пригорка вдаль. Лес над головой шумел, что-то говорил ему, может быть утешал. Даже птицы приглушили пение, горе чужое почувствовали. Прошло какое-то время, его тронули за плечо, нежно, участливо тронули и послышался голос деда Тиши:

– Ён был тебе другом, може больше... Тварь бессловесная, а иш ты – всё понимал, собеседовал с ним, как с людыной. Не убивайся милок. Вся жисть наша сплошь состоит из потерь, я почитаю всех схоронил, а меня Господь держит ишо на земле ходить. Зачем? Знать надо так Ему, а моих родных давно косточки погнили, а я вишь, ташшусь по земле-матушке, ишо ташшусь... И ты, милок, ишо ташшишь, живи покуда!..

Март 2025 год, Калгари

- [1] Музыка И. Матвиенко, стихи А. Шаганова
- [2] Петух (укр.)
- [3] Книга Притчей Соломоновых 8:12

«ПЯТЫЙ УГОЛ»

*Кто много благ земли вкушал,
Пока со страхом не познал
Всей меры тяжких заблуждений,
И, мучим жаждою святой,
Палим огнем воспоминанья,
В пучине страшной покаянья
Обрел спасенье и покой, —
Тот ближе к нам. Его паденье,
Страданьем выкупленный грех
И милость божия — для всех
Животворящее явленье.^[1]*

*«Отвергни от себя лживость уст,
и лукавство языка удали от себя...»^[2]*

День мягкий, не жаркий и не прохладный такой, когда разговор за ароматным кофе, заваренным в турочке на песке, да на летней площадке, доставляет удовольствие. Люблю!.. Лёгкий ветерок шалит среди деревьев, забегает на веранду, поднимает с пепельниц остатки сигарет, тогда сидящие за столиками жмурятся, закрывают глаза, охраняя их от поднятого пепла. Глядя на тех, кто с удовольствием затягивается дымом, прикрывая глаза от непонятного удовольствия, я с радостью думаю, что давно, ещё в молодости бросил это «удовольствие». И, надо признаться, много сил и времени пришлось потратить. Вращение привычки в организм не выбьешь и дубиной. Только временем и постоянным дозором, медленной уверенной поступью... У кого может и по-другому, но у меня так... Приятель мой, хоть и курит, но редко. За нашим столиком ветерком носит ароматом кофе и не пахнет препротивно пепельницей.

Столики все заняты. Удобное расположение кафе к центру, не выходящее к проезжей части привлекали любителей кофе и чего покрепче. И называется оно – «Фонтан». Фонтан настоящий располагается рядом, но работа его была уже в истории... Журчал он когда-то водой, собирал вокруг себя все возрасты жителей городка. И правда!.. Приятно было в жаркую погоду посидеть близ воды, водопадиком падающей из-под папы-Пантеры. Хорошая задумка! Статуя его гордо взидала вокруг и на своих питомцев, что возились возле отдыхающей мамы-Пантеры. Казалось, что навсегда застыли они в бронзе, но время неумолимо!.. Сначала исчез один детёныш, возможно помогли руки равнодушных к металлу людей, а потом пропала вода, а со временем и вовсе исчезли из «жизни» мама-Пантера с последним детёнышем. Остался только один папа их, гордый, одинокий, несломленный годами, намертво припаянный к своему постаменту. Его фигура и сейчас красуется, как напоминание былого...

Встречи с Алексеем, приятелем, часто носят случайный характер, иногда созваниваемся. В любом случае они всегда интересны и есть отчего, мой собеседник человек, повидавший эту жизнь, искушённый её сторонами, в народе таких называют «тёртый калач». Он мало разговорчивый, но если затрагивает какую-либо тему, то разворачивает её необычной, интересной стороной. Есть что послушать, а потом и записать. Черпает истории из жизни своей и той, что рядом пришлось наблюдать... Наверное, странно, что порою мы почти не разговариваем и такое для нас привычно. Стараемся не докучать друг друга пустословием, какое часто случается в любой компании и встречах. Любят собеседники переливать из пустого в порожнее и перемалывать косточки отсутствующим. Не все, но некоторые беседы я сразу записываю по расставанию, а другие через какое-то время укладываю в строчки. Он знает об этом и подтрунивает.

– И хочется тебе тратить время на пересказ?.. Сейчас мало кто читает...

– Кому надо, тот прочтёт, – парирую я, веря что всякому товару есть свой покупатель, так и любой строчке сыщется заинтересованный читатель...

1

Через несколько столиков от нас сидит компания, громкая и выпивающая, с явной претензией на загул... Признаки этого всегда видны. Разболтанность, разнузданность, разговоры на повышенных тонах и употребление слов, написание которых я не рискну здесь... Приятель нет-нет, да посматривает на них, хмурится... Его особенность – уходить в себя, осмысливать своё, что видел, пережил и что наворачивается на думу. А думы!?!.. Они известны всякие, тягостные и радостные, грустные и весёлые – разные! Бывают светлые и мрачные. Какие думы, такие и плоды их, проецирующие в жизнь нашу. Горькие, значит горькие от них побеги. Думы порою надо подкрашивать, чтобы была красивее проекция на жизнь... Почти как у живописца, когда реальный пейзаж брошен на холст, но с более яркими оттенками тонов и полутонов. Тогда смотреть приятно, взгляд радуется, а впечатление объёмнее и глубже... Жизнь ведь складывается вокруг мыслей наших. Мы ими зачастую примагничиваем проблемы себе, но если счастье излучаем, то оно разливается на окружающих нас людей...

По мере разгорания веселья в компании, а там застолье постепенно переходит в полный разгул, Алексей мрачнеет...

С каждой выпитой рюмкой, голоса становятся громче, наглее своим тоном и уже отдельные слова выходят совсем за рамки приличия. Алкоголь живо выворачивает человека наизнанку и показывает истинную сущность каждого. Взгляды парней становятся мутнее и всё чаще обращают взор к соседским столикам, где сидят девушки. Известное дело, интерес к слабому полу с алкоголем возрастает кратно и кровушка, что бушует по венам, приправленная спиртным требует «логического продолжения». Нельзя сказать, что девушки краснеют под откровенными взглядами парней, но правила приличия ещё заставляют оставаться на местах, впрочем, это дело времени... Вскоре они присоединяются к «разудалой» компании. Мне непонятно, что девушки находят в разнузданности парней. Что?!.. Скрытый порок и предрасположенность к подобным загулам намешан в них? а под «градусом», известно, теряются нравственные ориентиры... Однако я судить не берусь – вечная тема... Парни просят подкинуть децибелы в динамиках и вечер в кафе переходит в пьянку с хохотом, звоном бокалов и перекрикиванием друг друга.

Оставаться далее, значит испортить вечер. Мы удаляемся, чтобы очарование летних сумерек хоть как-то задержалось в нас. По домам не разошлись, а пошли вокруг парка, потом приземлились на лавочке. Вечер, а он уже охватил город, был тих и приветлив. Зажглись уличные фонари тем нежным слегка оранжевым светом, что всегда привлекает своим уютом. Это остро чувствуется после шумного кафе.

Алексей закуривает, затягивается глубоко... Этот вдох, явный признак серьёзного разговора. Помолчав, он заговорил...

– Ты видел, что я посматривал на пьянку парней? – я кивнул, – Как мне знакомы такие загулы! и непросто знакомы, а в них я был ярым участником. Всё начиналось, чинно, благородно за разговорами, за анекдотами, потом..., потом известно что – всё скатывалось к крутому кутежу. Хмель делал своё дело, становилось совсем хорошо, лица вокруг, по мере выпитого, приобретали верх своей привлекательности. Загоралось желание во мне с какой-либо девушкой продолжить тесное знакомство. Прелюдия в вечернем кафе частенько продолжалась в ночном баре... Ну а там грохот децибел, грудь от громкости ходуном ходит, собеседника не слышишь, а вокруг цветёт своей заманчивостью слабый пол. В таких заведениях прекрасный пол, становится слабым, этим он и привлекает одурманенную голову. Частенько засижи-

ваешься далеко за полночь, потом на такси до дома и падаешь замертво на какие-нибудь два, три часа, не больше. И не пойму, как другие отсыпаются целым днём, потом встают свеженькие, готовые к новому употреблению... У меня же никогда не получалось, странная особенность организма... Под утро просыпаешься внезапно, будто от толчка подбрасывает, сердце колотится, а в нос ударяет сигаретная вонь ночного бара...

Каждый раз одинаково...

Алексей помолчал, припоминая, как было в действительности, потом продолжил.

– Сразу возникал вопрос, как всё прошло? Всё ли гладко и была ли драка? Почему задавался таким вопросом – потом объясню. Что-то припоминалось из ночного, а забытое мучило совестью, как же было в действительности. После неимоверно «принятого на грудь», хмель ещё держался, было терпимо, но я знал, что наступит времечко, обычно к обеду, когда похмелье обрушится со всей своей свирепостью на организм. Я всегда жестоко страдал от чрезмерного возлияния... Вспоминался чад и смрад от дыма сигарет. От душераздирающей музыки ещё стоял грохот в ушах, Что можно было делать в такой ситуации? срочно помыть голову, чтобы хоть как-то уничтожить запах дыма ночного заведения и готовиться к аду похмелья, а для меня это было сущим испытанием, которое заканчивалось иногда скорой помощью и капельницами. Попробую как можно точнее, если это возможно, пересказать тебе своё состояние, но испытывать не приведи Господи. Не знаю, как кто, а я погружался под сущий каток боли. Другим ничего, словно и не были они вчера со мной, словно пили не они, а кто-то за них. Диво и только... На хмеле могли придуть ко мне, предлагать включить «апохмельятор». Меня же мучило в ответ, только и мог прорычать «идите лесом», но чаще крепче закручивал... Погочут и удалятся, весёлые, балагуристые и немного сочувствующие...

А здесь начиналось!..

Постепенно учащалось биение сердца, оно начинало бешенную скачку, а в районе позвоночника стягивалась физическая боль, тянущая внутри вниз, пренеприятнейшая и гнуснейшая. При этом хотелось вынуть свой хребет и встряхнуться от неё. Терпеть её сил не было, не спрятаться, не избавиться, можно было снять только похмельем, но я не похмелялся, пробовал пару раз. Закончилось плачевно и двумя скорыми... Мышцы слабели и было погружение в сплошную боль. Если выдерживало сердце, то ты заворачивался в кокон, только бы тебя не тревожили, только бы быстрее время бежало... Если мотор окончательно выбивался из ритма своего, хотя он и не был в своём ритме, тогда набирал скорую и ждал, а надо было добраться до двери открыть и слово молвить. Часто приезжали понятливые экипажи, быстро улавливали суть и ставили уколы с капельницей. А если нет, то забирали в больницу и там уже, среди чужого, на глазах осуждающего персонала долгое время был в ожидании «процедур», жутко, неприятно и вспомнить страшно... Тебе плохо так, что корёжит и ломает. Весь организм пребывает в каком-то архидискомфорте, когда нет возможности найти положение, где можно забыться и хоть часик вздремнуть... А на тебя смотрят, как на неЧто такое, неприятное им, и даже наверное оскорбляющее их достоинство. Я тогда действительно был этим неЧто. Врагу не пожелаю такого чувствовать и ощущать! Здесь я был самому себе этим врагом!

Ограничивается ли всё физическим страданием? Ага, как бы не так!.. Сюда обильно добавляется внутреннее состояние с мучительным страхом, как я дожил до такого, как! ведь мне никто не виноват, что дошёл «до ручки» я сам. Со страхом внутри ты осознаешь, что выхода нет, раз не нашёл его до сих пор... Кругом твоя вина! Начинаешь мучительно искать, где выход? как остановить? кто поможет? А помочь никто не в силах, нет никого рядом и не в состоянии даже, если бы был. Это состояние я назвал «пятым углом». Ты сидишь в нём, из него не видно не зги, и выхода нет, только холодеющий страх «неужели я дошёл до такого?» и это твой бесславный конец? а родители? как они бы посмотрели на меня?» – нет вынести такое нельзя. Эти часы верх отчаяния, тогда летали по квартире посуда и вещи, что были под рукой. В порыве бешенства я разбил себе руку об стену, поломал кисть и с полгода ходил, здо-

роваюсь только левой... Тогда я понимал, почему кончают жизнь люди, укорачивая её до времени. Жизни ведь нет и просвета не видно... И только стыд перед родителями, перед их памятью, зная от старцев православия, что это великий грех, меня останавливал от окончательного падения. Самоубийство, это последнее падение в... Куда? Я и слово не хочу говорить, сейчас тебе рассказываю, а в себе ощущаю почти физически боль тогдашнюю, уж не обращай внимания на мою возбуждённость. Да-а, парни живо напомнили мне моё падение...

Алексей остановился, закурил, чувствовалось его возбуждённое состояние, а речь всегда правильная, сейчас сбивалась эмоциями. Покулив, продолжил...

– Видел в жизни, как жёстко ломал алкоголь психику человека, как корёжил характер, ставя мужика в свою зависимость. Он не просто разрушает психику, а пробуждает всевозможные низшие инстинкты, чтобы дать проход другим порокам, ослабляет волю, лишая человека возможности управлять своей жизнью. Контроль над сознанием ослабевает, оно отемняется, быстрота мысли падает. Сколько бед и опасностей подстерегает на каждом шагу. Это сущее бедствие нашего времени. Алкоголь приносит страшный вред и пространственно, захватывая мысли людей, об этом мало кто говорит, это настоящая эпидемия... Пройдя через это, ясно понимаешь, где ты был и что могло бы случиться...

А начиналось всё, как в классике... Стал выпивать постепенно, ну подумаешь какие-то пятьдесят грамм – «полтишок», как называл мой знакомый по кутежам. Потом доза прибавлялась. Становилось прям хорошо! и мир после употребления нескольких «полтишков», прямо расцветал на глазах. Вслед за первой стопкой летела вторая, потом третья, четвёртая и всё... барьера не существовало. «Море по колено», – правильное выражение к ситуации. Народ не промахнётся в меткости слов... Страх исчезал, всё тебе «по боку». Начинало казаться, что возьмёшь и быка за рога. Храбрости, хоть отбавляй!.. Она и заставляла меня ввязываться в драки такие, что следующие дни приходилось отлёживаться и залечивать «боевые раны». Мучительно, когда не помнишь, как и почему, какая причина была влезать в разборки. А всё удаль молодецкая покоя не даёт в пьяном угаре. Эх! разойдись моя душа... И какой контраст следующий день, после загула. Ты жалкий ничтожный, пытающийся всё припомнить, а вспомнив, стыдом обтекаешь. Всё это я видел, как происходило с другими людьми, но мне и в голову не приходило, что сам попаду в эти «капканы», даже ни-ни, не предполагалось, а «оно вона как выходит»..., на своей шкуре испытал сполна... Вот такая жизнь! полна сюрпризов... С тех времён, я не могу относиться с высокомерием и презрением к тем, кто не смог освободиться из этого плена, а то, что это плен, у меня нет сомнения...

Когда Алексей замолчал, дав ему «отдышаться» от прошлого, я спросил.

– Если ты так жестоко болел с похмеля, зачем вновь и вновь «нажирался», что двигало тобой или уже была полная зависимость?

– А это просто... Здесь работает самообман, примерно такой, конечно упрощённый. Ты переболел, опять почти бодрый и зудит в тебе внутри самое простое решение – выпить «полтишок», от силы два, так чтобы веселее было, ведь тебе отвечать ни перед кем. И рядом с тобой полные сил и здоровья сотоварищи. Они ведь выпивают, а ты не белая ворона... Давай ка чуть пригублю и я, ну чтобы вровень было с ними. Но только чуть-чуть. Уговаривать долго не приходится, полный задора опрокидываешь в себя этот бодрячок... Откуда слова красивые берутся, настроение прямо сочится из тебя. Сыпятся в изобилии анекдоты, они хохотом обливаются, и тут летит второй «подниматель» настроения. Кряк! Он уже в тебе... Хорошо то как!? Один француз со смехом сказал: *«Никогда не знаешь, что выпил лишнюю рюмку, пока не выпил ее»*.^[3] Далее ты знаешь...

– Что же послужило этому, ведь нужен толчок, удар судьбы что ли? Бывает человек оступился и не редко сам, а ещё часто ему помогают. Конечно в любом случае виноват он сам, ты как считаешь?

– Конечно в любых падениях, в любых погружениях в пучину грехов, человек виноват сам. Частенько случается и так, что кто-то ему помогает. А если воли нет, лапки складывает опустившийся, то трагедии не миновать. Но об этом в следующий раз, многовато воспоминаний на один вечер, многовато... Устал...

Алексей криво усмехнулся, пожал мне руку и пошёл по аллее в темноту вечера.

А вечер был тёплый, мягкий и пахло липой! Уже тут и там застрекотали цикады. Зажглись звёзды, засверкали меж кронами деревьев, они слегка раскачивались от лёгкого ветерка, словно качали головой, вздыхали от услышанного и шептали листьями друг другу: «... как же жизнь хороша, а её сами люди калечат! зачем?!»

Я присел на скамью, рассказ Алексея не шёл из головы... Давно его знал, и не предполагал, что он прошёл через каток порока. Никогда не упоминал об этом, а зря, должны люди знать, что выход есть даже из «пятого угла», главное не сдаваться, а «шевелить лапками» подобно той квакушке, что сбита ими сметану в масло и выпрыгнула из чана. А сколько «не выпрыгнуло»?.. Несть им числа... Много рядом порой горя и трагедий свершается, а мы не знаем или не хотим знать. Людям удобно не замечать подобное рядом, что жизнь многих, кто не нашёл себя в этой жизни, кто стал в силу каких-то обстоятельств бездомным, кто спился, кто наркоманом стал, кто подался во все тяжкие – всё это трагедии. Да виноват сам человек! Виноват!.. А есть те, кто в силах помочь выбраться из «пятого угла»? много ли таких? Может живущий рядом прочувствовать суть опустившегося, докопаться до нутра проблем его, объяснить и показать пути выхода? Способен помочь и вытащить? Есть, но как редки они!.. А ведь есть и те, кто помогает туда забраться, в этот самый разъязвы его «угол», да! помогает... И что бы кто не говорил, есть тонкая грань между «помощью» извне и виной самого человека, порою они сплетены. Главное почувствовать проблему, не подтолкнуть этак легонечко, совсем незаметно. Может статься и так, что после «этого легонечко» несчастный сам начинает неглубокую ямочку превращать в бездонную... Припомнились мои друзья и просто знакомые, кто не смог выбраться из «угла», из ямы, в которую попали. Никакие разговоры не помогали. Яростно, с агрессией встречали каждое слово просьбы «перестань, ну приложи силы в себе...». Почему я мало встречал тех, кто смог в себе побороть грех и смог дальше жить нормальной жизнью? А те, кто не боролся, кто «лапками не грёб», оставил после себя трагедию и стыд для родных... И всё же, и всё же их жаль... До времени ушли в небытие, не долюбив, не донянчив детей, не дожив до седины своей... В ней, в седине, есть своя прелесть!

2

Продолжение разговора о злополучном «угле» случилось спустя время... Уже багрянец и желтизна красили деревья. В воздухе там и здесь засеребрились паутинки, лодочки для маленьких паучков, что плывут по воздушной стихии в поисках необжитых ими краёв. Ещё тепло, красиво, поэтично и немного грустно... «Лишь паутины тонкий волос блестит на праздной борозде»...^[4] Эта красота осеннего дня предвестник скорого ненастья. Скоро поднимется ветер, нанесёт дождь, листья опадут, станет промозгло, сыро, неприветливо... А пока можно любоваться, вбирать в себя прелесть ранней осени и смотреть на закат солнца... Оно заходит за лесополосой и на мгновение замирает над водоёмом. Блеснёт отражением в воде, загорится в последнем свете и скатится за горизонт. Вид открывается прекрасный. Заход ещё долго алеет и подкрашивает облака, что стайкой сгущились близ края земли. От неё, нагретой за день солнцем, поднимается тепло. Эти последние тёплые деньки собираешь в память, смотришь не насмотришься!.. Так и замираешь перед угасанием дня...

Горсад, куда мы приехали с Алексеем ещё недавно стоял запущенный, заросший беспорядочно деревьями, кустарником, теперь оживает. Пролегли аллеи, насажены деревья, через неглубокие канавки брошены арочные мостики, которые создают своеобразный порядок и бла-

гоустроенность. Детям особенно нравятся, по мостикам бегают, слышится их восторженный звонкий писк... На моей памяти долго стоял сад неухоженным, но нашёлся человек неравнодушный и запустил проект возрождения...

На берегу есть холмик, на нём скамья... Любимое место наблюдать заход солнца, всё видно и прохлада от воды ещё не касается отдыхающих. Мы присели... Поговорив недолго о пустяках, Алексей спросил меня.

– Ты знаешь, что такое триггер? [5]

– Конечно! – кивнул я.

– Так вот, для мужика есть ситуации, которые срабатывают благодаря такому триггеру. Конечно, он срабатывает, если есть предрасположенность. За редким исключением, мужчина спивается из-за обиды на женщину, а если у него сила воли слабенькая – значит беда... Заметь, я часто стараюсь упомянуть о силе воли, мы о ней ещё поговорим, это важно... У меня так было, что поскандалив с женой, мне почему-то хотелось «нажраться». Понимаю..., это слабость, но было. Так вот частые недоразумения в семье, мужика подтачивают и он старается «забыться» на время... И коль зачастит с «забытьём», так и скатится по наклонной, обвиняя всех вокруг и подряд. Почему? Видимо так устроен. Здесь образуется замкнутый круг, обидевшись расслабляется, расслабившись получает новую порцию недовольства от своей половины. И таких примеров тьма по жизни. Сначала незаметно жизнь начинает клониться, наклонная всё круче, скатывание по ней всё легче и быстрее...

Но вернёмся к триггеру, хотя этот технический термин не совсем уместен, тем не менее становится понятно многое и коротко в изложении. Женщина часто служит триггером, у неё удивительное качество, возрождать мужчину и с таким же успехом уничтожать... Да уничтожать!.. Причём совсем не желая этого делать. Нет, есть конечно случаи и умышленные, но я не о них говорю. Я о том, что живя с женщиной, ты волей и неволей постепенно попадаешь под её влияние, если между ней и тобой есть чувства и ты дорожишь семьёй. Здесь первен-

ство женщины почти во всех случаях предопределено. Был модным стишок на эту тему, если помнишь?

О, как нам часто кажется в душе,
Что мы, мужчины, властвуем, решаем.
Нет! Только тех мы женщин выбираем,
Которые нас выбрали уже. ^[6]

Мне рассказывал один мой знакомый, в подчинении которого находилась не одна сотня мужчин, которые беспрекословно ему повиновались на его предприятии, так вот он жаловался: *«Не поверишь, меня побаиваются мужики, стоит только бровью пошевелить уже знают, что делать, а домой прихожу мною командует женщина, моя жена... Боюсь её, как огня...»*.

– Знакомое четверостишие, когда-то в студенческие годы бравировал им, девочкам нравилось... Мне бы хотелось бы возразить в защиту мужиков. Как так? да быть не может! однако соглашусь, даже оптинский старец ^[7] указывал на влияние женщины. Читал об этом у философа Уранова. На вопросы своего друга в письмах он писал: *«... Если она чего-то желает от Вас, у Вас появляется сила осуществить её желание, если она не хочет, чтобы Вы поступили так, как Вам хочется – у Вас пропадает всякое желание поступить так, как Вы хотели, и даже, если Вы убеждены, что должны поступить так, как хотели, то на такой поступок не хватит сил...»*. ^[8] И в своей семье наблюдал влияние, чувствовал его, противился ему, что неминуемо приводило к ссорам и скандалам... Потом жизнь подсказала, где надо отстаивать своё, а где просто улыбнуться, зачем копыя ломать, но осознано подчинится и знать почему... Есть удивительное свойство у женщин, она моментально занимает ту позицию, которую мужчины оставляют... Нет нейтральной территории, тут же прибирается к рукам.

– Слышали бы тебя женщины, досталось бы тебе, им главное возразить, даже если ты прав. И от мужчин не жди одобрения... А слова, хорошие, правильные, – приятель улыбнулся, – Ну здесь мы можем поупражняться... Я в запасе тоже имею немало высказываний, блесну словами Гоголя: *«Душа жены – хранительный талисман для мужа, оберегающий его от нравственной заразы; она есть сила, удерживающая его на прямой дороге, и проводник, возвращающий его с кривой на прямую; и наоборот, душа жены может быть его злом и погубить его навеки...»*. ^[9]

– Знаешь, я видел немало мужиков, которые довели себя до края, при этом всю вину возлагали на своих жён, на ситуацию на работе, на крах в бизнесе, приводили другие причины, но редко слышал фразу: «Да во всём виноват я сам». Что у тебя?.. Какая была причина спиваться?.. Банально сыграли обстоятельства? ушла жена, обида! Искал «истину в вине», а потом постепенно затащило в «пятый угол»?..

– В общем-то да и есть отличия... Горькие примеры других говорили мне, что ни в коем случае нельзя «запивать» крушение семьи. Поэтому я храбро несколько месяцев держал себя в узде. Потом настал момент, когда я почувствовал, что можно отпускать поводья. Совсем немного можно употребить, «полтишок» и хватит... Да бес на левом плече всё нашептывал *«Э-э да брось ты, все вокруг расслабляются, а ты что серый?»*. Этот шепоток начал с какого-то времени перешёптывать сидящего на правом плече, голосок которого звучал всё слабее и слабее... А далее..., – Алексей остановился и чему-то улыбнулся, – Вообрази, что когда ты нужен, возле тебя крутится весёлая орава снующей детворы. Хохот, неуёмное движение, пiski и конечно же плач по своей причине. Жизнь кипит! Кипит правильно, даже если тебя что-то раздражает, но ты привыкаешь и воспринимаешь всё это за естественный фон, а ну как всё вдруг! исчезает, уходит из твоей жизни? А?.. Каково?.. Вместо детской суety тишь, вместо смеха и плача тишина гробовая. Вместо детского запаха, нежной детской души – одиночество

и растерянность. Ты из комнаты в комнату ходишь, а места тебе нет! Нет и всё! Но и этого мало, внутри тебя болит, болит так, что не проходит. Если физическую можно унять лекарством, то от душевной спасенья нет. И такое днями, неделями, месяцами. Постепенно себя начинаешь расслаблять, а чем?... О-о! Это известно чем нам мужикам!.. Накатил пару рюмок и уже стало легче, даже веселее и жизнь давящая отступает, из серости и боли переходит в область иллюзии самообмана... А на следующий день? Всё возвращается, но с удвоенной силой. К мукам душевным добавляется физическая, приправленная безысходностью. Мужiku нужна ответственность, ему необходимо беспокойство за кого-то, тогда он себя скручивает, мобилизует. Нет я за всех не ручаюсь, но мне всегда было важно чувство нужности себя кому-то. А наступает момент крушения твоего представления о семье, ненужность тебя, пропадает ежедневная обязанность к жене, детям? Свобода! Черт бы её подрал... А рядом бес нащёптывающий... Это, могу сказать тебе презабавное соперничество, кто кого. И вот что поразительно, как ты не стараешься не поддаваться соблазну, а они на каждом углу, прямо манят тебя со всех сторон, и друзья развесёлые, и девушки молодые, стройные с поволокой глаз... Есть силы сопротивляться? Правильно, нет! Ну а потом начинаешь чувствовать «пятый угол», и в нём тщетно пытаешься найти выход, а его нет, нет и всё! Не видишь!.. Вот где накатывает страх за себя, отчаяние и тщетные попытки возврата из него...

– Раз так, значит есть виновник, а виновника наказывают. У тебя возникали мысли наказать виновника? Отомстить за своё одиночество, которого не было бы, сохранись семья?... Трагедий и драм не перечесать, а всё от того, что виним других, не себя.

– Да что я святой?... Возникало и с какой силой!.. Казалось вот прям сейчас возьму в руки что-нибудь, да как пойду в степь широкую и ну! буду мстить за себя любимого... Да ведь это дела тёмненьких, бес он такой, любит в ушко нащёптывать: «Отомсти, ой отомсти...!» Слава Богу есть светлые духи, Ангелы-хранители уберегли, управили, как говорят в православии, моими мыслями и действиями. Да! Были, были такие помыслы!.. И хорошо, что так... После того, как я развернул свои мозги в правильную сторону, я позвонил ей... Пожелал бывшей, ну что можно в этом случае пожелать – удачи, здоровья, счастья и другого хорошего. Сказал, что нельзя жить в противоборстве друг с другом, что такое всегда скажется на сыне, а он должен жить в покое и знать, что его папа и мама, если и не живут вместе, то уважают друг друга, не ведут войну, как часто встречается. Вот так и было! Знаешь, у меня после этого разговора, словно камень свалился, да! камень... Это я и физически почувствовал... И правда, забегу вперёд, никакой войны, «никаких палок в колёса» не было. Мирно, хорошо, по-дружески... А потом очень важное, не бывает вины с одной стороны! Да кто-то из супругов виноват больше, кто-то меньше, но вина не снимается с обоих...

Алексей опять остановился, закурил. Посмотрел на закат, на меня, затем продолжил...

– Знаешь, что меня больше всего удивляет? Это не то, что от тебя ушли, а то как легко и просто ты становишься для бывшей жены чужим, понимаешь? чужим! И это при том, что позади годы совместной жизни, и в общем неплохой жизни, с трудностями, куда от них? Общий ребёнок... И много лет нас сближало единое, я не про постель, а нечто более серьёзное. Как тебе объяснить? Общность интересов, какие-то нравственные идеалы, духовное устремление... Общие друзья, если их так можно назвать. Вдруг! наступает момент и всё меняется... Нет общей жизни, вроде и не было её. А друзья?... Как же все проверились. Знали, кто и как поступил, а ушли за тем человеком... Ну да ладно, Господь с ними, жизнь всегда проверяет людей, кто чего стоит. Всё возвращается бумерангом, жизнью своею себе доказал. За месяц тогда потерял килограммов двенадцать, смешно было смотреть на меня, жалкий вид... И вот что, пытаюсь осмыслить, понять что происходит в душе человека, когда он уходит к деньгам, как совершается переворот на обратное к тебе. Ты был родным, а говорилось часто и убедительно: «Как я благодарна Богу, что встретила тебя!», стал чужим... Куда деваются «благодарности», «родные» связи? Пустые слова при регистрации: «... всегда быть вместе в радости

и горе, в бедности и богатстве, в болезни и здравии, пока смерть не разлучит нас ...». А то, что она не ушла бы к слесарю-сантехнику, при всём уважении к этой нужной профессии, в этом я уверен... Слышишь меня?..

– Да, конечно, слышу. Что же дальше произошло?

– Что дальше произошло?.. Меня, как я уже сказал отпустило, встретился человек, новая семья, рождение дочери. И жизнь покатила своими путями. И у неё первое время всё было хорошо. А потом?.. Потом произошло то, уж извини, процитирую: *«То же бывает и с тем, кто входит к жене ближнего своего: кто прикоснется к ней, не останется без вины. Не спускают вору, если он крадет, чтобы насытить душу свою, когда он голоден; но, будучи пойман, он заплатит всемеро, отдаст все имущество дома своего ...».*^[10] Вот так..., богатство странным образом развеялось и остались долги. Всё произошло один в один, как здесь сказано в Притче. Её я позже обнаружил, прочитывая Библию...

– Знаешь, – прервал я товарища, – Я люблю наблюдать жизнь, прислушиваться к ней, она многое подсказывает нам в помощь, главное не сетовать на неё, не обвинять, тогда обозначаются закономерности. Из них я вывел правило трёх «П», не придумывай, не присваивай и не принадлежи.^[11] Наши трагедии часто от наших слепеньких глаз, в упор не видим кто перед нами, а значит придумываем, затем в мыслях присваиваем «это судьба наша», а потом попадаем в третье «п», под тотальный контроль. Может ты придумал человека, что рядом жил?.. Пребывал в розовых очках: «навечно вместе»? А у вас элементарно не было внутреннего единства, которое должно присутствовать у супругов, должна быть в конце концов ответственность друг за друга *«... быть вместе в радости и горе...».* Ведь то, что случилось потом с тобой, она могла предположить, а может быть знала что так будет и..., и ничего не шевельнулось в душе. Материальная обеспеченность своя, своих детей победила. Значит, были у вас материальные проблемы, как следствие – жизненные трудности и вы расстались, а?

– «Навечно вместе?», где-то так или рядом. Думал, да! во всяком случае надеялся, что так и будет, а иначе зачем же жить друг с другом... Получается, что придумал её... А трудности материальные были, бич многих семей, тут ты прав – были они и долго преследовали нас. Здесь должен признать, что устала моя бывшая жена от них, но ведь я был не в стороне, я же рядом был и они меня также преследовали и устал не меньше, чем она... Это тоже для меня одна из загадок того времени, почему так? Что надо было сделать, чтобы стать обеспеченным, ведь создавал сам и совместное предприятие с чехами, и фирма была на которой работали сотоварищами. И деньги немалые появились у нас на фирме, но... Как только они появились сработала тривиальная ситуация... Зачем делиться? Менялось в подельниках психология, как по щелчку, что денег достоин один, а остальные так, вроде рядом были, пусть в сторонке постоят... Я ушёл... Создалась ещё одна фирма, с другим товарищем – повторилось один в один. Долго не мог понять, как я, человек вроде неглупый, не в состоянии зарабатывать приличные деньги. Рядом со мною, такие непроходимые дуболомы купались в деньгах. Что не так во мне? Работать не умел? умел! всё детство тому доказательством, пусть в другой сфере, но разницы нет. А здесь хоть расписывайся в собственном бессилии. И таки я нашёл ответ, в который многие не поверят, да мне и не надо, чтобы разинув рот, верили. Этот ответ сформулировала одна из самых гениальных женщин планеты. На вопрос её сестры почему она постоянно нуждается в деньгах, она ответила примерно так, поэтому не кавычу. Мне по судьбе моей не положено иметь много денег, чтобы я ни делала, а я за многое бралась, даже вела частный бизнес, но благополучно прогорала, и часто компаньоны попадались непорядочные, до денег жадные. Мне будет даваться ровно такое количество, сколько для жизни надо...^[12] Слышишь?.. Я когда прочитал её письмо, то подумалось, как будто мне писалось. Вот как!.. С тех пор я в этом отношении стал спокоен и теперь знаю точно, будет даваться столько, чтобы прожить, а об остальном, стоит ли беспокоиться... Так и было в последующем... Что для меня

загадкой остаётся, это то, все люди, кто со мной начинали бизнес, кто мне ножки подставлял, кидал на деньги, предавал ради денег – их нет уже в живых! Понимаешь? нет!.. Никого! А я слава Богу! живу, часто нуждаюсь в финансах, но живу... Ну не удивительно разве?..

3

Алексей замолчал, задумался, посмотрел на последние отблески потухающего заката. Его взгляд эти отблески отразил и вскоре они потухли, а вместе потух и взгляд. Ярче высветился месяц и звёзды. От воды ветром стало наносить прохладой, плескалась рыбка и шумел недалёкий спад воды на дамбе. Изредка доносились звуки ресторана, который располагался на берегу и зазвенели, застрекотали цикады. Мы, как два старых японца на берегу наблюдали жизнь... Сидели, беседовали, рассуждали...

Старый пруд
Прыгнула в воду лягушка.
Всплеск в тишине.^[13]

– Знаешь, многое можно понять, – после некоторого молчания опять заговорил товарищ, – Объяснить уход жены, материальное обеспечение для женщины важно, но никак я не возьму в толк вот что... Я говорю сейчас о сыне моей жены от первого брака, который был со мною с трёх лет, называл меня более десяти лет «папой». После развала семьи ни разу, ни единого блин раза, не позвонил мне... Неужели у него не шевельнулось ровным счётом ничего, не ёкнуло, а как там тот, которого он звал отцом?.. Что с этими людьми? почему так? Сработала память о накрученных ушах? Так я и своему крутил, ровно столько не больше... Также и мне драли их в детстве. Возможно это!.. Пстой! но это же мелко, на столько ничтожно на фоне, что было хорошего в семье. А если так, значит мало ему крутил уши, значит не смог объяснить главное в этой жизни. В начале нашей совместной жизни меня спрашивала жена, смог бы я его усыновить, его родной отец совсем не касался жизни своего сына, я ответил отказом... Это повлияло?.. Думаю его мама вряд ли поняла моё объяснение. Это сложный вопрос, не пальцем воздух прочертить. Ведь кроме моего согласия, есть ещё его бабушка и дедушка, каково было бы им, со стороны отца которые... Это такие сакральные понятия, что не думать о них, значит грешить перед законами нравственными... Теперь я уверен, что поступил правильно и перед собой, и перед ними, а внук остался с их фамилией...

– Чему тут удивляться, значит понятие «отец» был лишь звуком, который произносился без внутреннего трепета... Это, как имя. «Папа», ну и «папа», это как любое имя, просто имя... Нет внутри такого, что связывает не только родственная кровь, но и что-то более глубокое. Это глубокое редко, но бывает у неродных по крови... Притяжение родственных душ. Думаю, что с малых лет не было того глубинного взаимопроникновения, когда связь не только на генном уровне, но и на гораздо более высоких духовных уровнях. Кармических что ли... Встречи не бывают просто так! Возможно вы притянулись по законам друг другу, выполнили свои задачи и разбежались по своим программам... Хотя кто может знать? Такое на поверхности не валяется, его не понять, не охватить разумом человеческим.

– Но ведь многое было хорошо и правильно, что уж греха таить... Так где схоронилось оно, это хорошее? Не может же всё объяснено человеческим эгоизмом, – грустно произнёс товарищ.

Я возразил.

– Нельзя только ему в вину ставить, а мама его?.. Она могла рассказать сыну о хорошем, что было в вашей жизни? Могла? – и тут же ответил самому себе, – Не могла, тогда надо было

свой поступок объяснять, почему случилось так. Проще положить вину на того кого оставили, так легче... Что по-твоему помогло тебе выбраться из «угла», что б уже закончить начатое?

– Да-да, хватит о триггерах, – Алексей спохватился, – О них можно долго разговаривать, надо закругляться. Здесь главное не упустить о воле, о силе воли и других сопутствующих понятиях, что помогают человеку вылезти из ямы, собственными руками вырытой. Волю надо включить в жизнь свою так, чтобы уже не выключать. И бить, и бить в одну точку, в самый лоб пороку... Попробую развернуть значение воли, а ты при письме не упустит, если писать будешь. Хорошо!?

– Так ты же подкальываешь меня, с издёвочкой относишься к моим записям, – усмехнулся я, но кивнул утвердительно.

– Ладно, ладно обиженного не строй... А теперь серьёзно... Сразу скажу, внутри тебя должен кипеть котёл желания, прямо жажда выползти из ямы... Никогда, ни при каких обстоятельствах нельзя сомневаться, что у тебя не хватит сил вытянуть себя из болота, помнишь барона Мюнхаузена, когда он вытащил себя за волосы. Смешно, но часто я вспоминал его. Здесь важен момент, когда ты доходишь до крайней точки, до самого дна, такого, что оттуда уже не постучат и оттолкнуться. Но доводить себя до такого тоже нельзя, теряются силы и возможности вернуться к нормальной жизни... Свою проблему надо обязательно почувствовать, проникнуться ею, а для этого смотреть на себя так, как заслуживаешь, жёстко и самокритично. Сканировать себя со стороны! Всё видеть в себе, все изъяны и чувствовать все бугры.

– Постой, постой, – прервал я собеседника, – А как же совет психологов?.. Они говорят: «Важно „подружиться“ со своими недостатками и ослабить самокритику», то есть они советуют «полюби себя»...

– Ну полюблю себя и что? это поможет? Утверждаю, не поможет!.. Надо не видеть в себе «верх совершенства», как назидают психологи, какое уж тут совершенство? Надо чувствовать в себе «раба Божьего», который живёт и нарушает Его законы... Этому «рабу» должно быть стыдно в первую очередь перед Ним, а потом перед родителями, детьми и всеми своими родственниками, людьми. Такая очерёдность... Только не придирайся к понятию «раб божий», в него я вкладываю человека, что живёт по законам божьим. «Раб» не в понимании угнетённого, а исполняющего должным образом заповеди Христа. А то народ наш гордый, как слышат это слово, становится на дыбы. Как будто гордость сразу вывезет в свободную от всего стихию... Понятно?.. А теперь о воле немного пробежимся...

– Алексей, если можно, попроще и попонятливей, без заумных выкрутасов.

– Попроще? пусть читают сказочки на ночь, хотя и сказки такая форма, куда вложены знания, мудрость многих поколений, передаваемых устным путём. Это потом их записали для нас цивилизованных, чтобы мы окончательно не утратили связь с настоящим словом, живым и образным. Как получится, не обещаю...

Так вот, воля – это ёмкое и важное понятие. Оно вмещает одновременно и свободу, и желание, и возможность действия. Без воли человек и дня не может прожить, не сможет утром встать, приготовить завтрак, пойти на работу. Каждому действию человек прикладывает свою волю, но с разной степенью силы. Согласись, куда меньше борешься с собою, если утро солнечное, бодрое и тебе надо идти выполнять любимую работу и наоборот, когда всё хмуро, идёт дождь со снегом, тебе не хочется вытаскивать себя из тёплой кровати, а ты к тому же больной, но необходимо идти на нелюбимую, постылую работу. Прикладываешь разную степень силы воли. Согласился?.. Хорошо!.. К удалению у себя недостатка, который сроднился с тобою, потребуется приложить ещё больше силы. А сколько сил потребует порок, что губит тебя? Его метастазы проросли в каждый уголок твоего организма и тонкого естества. О-о, ещё больше сил потребуется приложить для изжития его... Здесь никакая религия, ни один человек, никто уже тебе не поможет. Этот гордиев узел можно только разрубить мечом воли!.. Сила воли!.. Ещё одно важное обстоятельство для того, чтобы действовала воля, нужен незримый

приказ который рождается где-то внутри нас, в духе!.. Приказ воли и личная ответственность за себя – это нерушимая связка...

Когда ты ответственный за себя, за рядом живущих, ты призываешь на помощь Высшие силы, происходит слияние воли твоей и воли Высшей. Ты уверен в себе, веришь в себя, призываешь в молитвах Светлые силы, а там Всё видят... Ты Им словно разрешение даёшь идти к тебе на помощь... *«Я есмь лоза, а вы – ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нём, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего. Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают...»*.^[14] Слышишь какой стих! поэзия мудрости вечной... Надо знать, что действует закон «свободного волеизъявления». Помощь конечно всегда идёт от незримых сил, а здесь ты даёшь разрешение и просишь их о помощи. Отдаёшь им себя сознательно, но обязательно! не опуская рук своих. Я не знаю, как простыми словами объяснить это, просто знаю, что так работает, это так само, что меня зовут так, а не этак, не каким-то другим именем. Может быть к этому пониманию тоже надо подойти, но можно же и просто поверить для себя, призвать божью рать в помощь и делать это на первом этапе каждый день и по нескольку раз. Кто не знает, как сказать, пусть повторяет Иисусову молитву, но опять же важно, не барабанить слова, как в медный тазик, а с чувством, с толком, вкладывая в них смысл произносимых слов молитвы...

Приказом воли мы гасим силу сторонней мысли. Что это? а то, что нам нашёптывают со всех сторон о притягательности порока, о его чудодейственной силе быть свободным ото всего нравственного, от всего что тормозит окунуться в него с головой. Человек без воли – ничто, а воля это энергия, которую надо применить и тренировать, как мы тренируем мышцы. А ведь ни один мускул не дрогнет, если не приложится воля. Воля и устремление себя в нравственные ориентиры... Это понятно?.. Постоянству устремления и воле соответствует постоянство достижений, так постоянство, вложенное в устремление и даёт свои плоды. Устремление без воли красивые слова, за которыми нет движения! Воля это едва ли не самое главное в человеке, почти всё зависит от неё... Сила духа проявляется в действии, поэтому надо уяснить железно, что заметный результат может долго не проявляться без целеустремления и терпения. Сила растёт в применении её на практике! Ежедневная уверенность, что обязательно способен победить в себе порок, есть наиглавнейшая. Это таран воли, способный пробить брешь в любом пороке. Потом только методично бомбардировать и бить в одну точку. «Я могу, я хочу, я добьюсь!» У меня брат младший – талантище, нечета мне, всё говорил: *«Нам с тобой не выбраться...»*, он тоже пристрастился к «погибели». Я ему возражал, часто крепкими словами, что выберусь и ему говорил, надо верить, умолял его знать и верить, нет! не верил, был как растение перекасти-поле... Так и не выбрался, не выполз... Это болит больше, чем о себе. Обидно за него, как за творение Божье! Рос рядом, нежный, красивый, такие ожидания были и вот... Как он пел!.. Играл на нескольких музыкальных инструментах...

Алексей остановился, сглотнул подкативший к горлу комок, смахнул набежавшую слезу, глубоко вздохнул, потом продолжил.

– Вера, сила воли, действие, вера в себя, убежденность в правильности, целеустремление, методичность и источники радости... Источники радости я как-то мало упомянул, а они важны, ими мы забираем у грусти пространство, а значит добавляем силушку и уверенность в себе это очень важно! Да! Будут срывы и не один, не два, а десять, сто и больше, будет отчаяние, слабнуть силы и уверенность в себе, да разве это может сравниться с тем, что впереди, а впереди победа над собой, над тем, что тебя опускает, что вообще не в природе твоей. В природе твоей то божественное, что и заложил Создатель! Можно убивать его!?. Главное там, где-то внутри верить и знать! верить и знать! что сможешь победить страсть в себе, устранить порок!.. Это как мантра, повторял и буду повторять – быть уверенным в себе! Есть мужики, что побеждают приказом воли. Сказал, как отрезал, но я редко встречал таких...

– Это больше теоретические понятия, применимые на практике, а есть иное попроще, что тоже надо не упускать?

– Опять попроще... Но ты прав, надо включать всё, что поможет, даже дружбу с собутыльниками прекращать, хотя какие они друзья?.. Самое простое, что я использовал, не заходил в супермаркеты, в отдел, где всевозможные, мыслимые и не мыслимые ряды алкогольной гвардии стоят, в красивых бутылках с манящими этикетками. Это ничего, что большей частью разливают из одной бочки в разные упаковки, главное как стоят! шеренгами, много, как на параде... До сих пор смущают, когда смотрю. Ещё включал такое, что дома запирали себя на какое-то время, но вечно же сидеть не будешь. Старался не ходить в тех местах, где встречу своих поделников по застолью. А было и такое, идёшь по улице, где точно не должно быть их, и что ты думаешь? идёт на встречу тот, с кем встречи избегал, вот уж поистине «рыбак рыбака чует издали»

Собеседник замолк, сигарета в руках давно потухла, Алексей чиркнул зажигалкой, вспыхнул огонёк, лицо задумчивое озарилось на мгновение,

– Я тебе рассказываю, в надежде, что запишешь, другие прочитают... Может что возьмут себе. И если кому-то поможет, буду только рад этому. Переживаю за тех кто пошатнулся... Не за себя, а за тех кто в разгуле и мнимой храбрости пребывает. Обидно за талантливых, просто хороших людей у которых, как в поговорке «было ремесло, да хмелем поросло». Знаю, чем может закончиться выпрыгивание из нормальной, спокойной жизни, которая топится обильным употреблением, чрезмерным весельем, шумным разгулом..., – помолчав добавил, – Мы закончили разговор о «пятом угле», грустная тема... Да мне совсем не хочется на грустном заканчивать, потому что всегда есть за грустью другая светлая пора, такая пора у меня наступила после «угла». Появилась новая семья, родилась дочь, что в свою очередь ещё усилило мою решимость окончательно изничтожить в себе тягу и..., как видишь. Я живу, дышу, смотрю на закаты, слушаю по утрам пение птиц и восторгаюсь утренними красками восхода солнца, это ли не жизнь!? Браво Создателю за всё, что выпало на мою жизнь, благодарен Ему за все уроки, тяжёлые, неприятные, да заикливаться разве можно на плохом и винить никого, кроме себя, нельзя. Впереди жизнь и я приветствую её!

Алексей умолк, долго смотрел на поверхность воды, в которой во множестве отражались звёзды, как вечное напоминание нашей жизни, непростой, но всё же прекрасной... Мне пожелалось ему слово сказать такое, какое могло многое объяснить, утешить, но оно не приходило, вроде крутилось вокруг да около, но ловиться на язык не хотело. Вспомнилось тютчевское, «*мысль изреченная, есть ложь...*». Поэтому, наверное, оно притаилось где-то вне меня? Да и надо ли ему было оно, он всё знал сам, трудными путями, горькими уроками пришло к нему это знание. Такое дорогого стоит!

И был уже глубокий вечер, и была прохлада от осени. Осень медленно, но заметно наступала. Разговор помогал не замечать её, а как закончили, то ясно ощутили её холодок. Я сказал товарищу своё сравнение с двумя стариками японцами, он живо откликнулся стихом.

Мы разъехались по домам, но ещё долго крутилось в голове хокку, что Алексей процитировал в конце беседы.

Я в полночь посмотрел:
Переменила русло
Небесная река.^[15]

«Переменила русло Небесная река», но разве не прекрасно!?!.. Вот так и жизнь меняет русло в прекрасное далёко, надо просто смотреть в него, чтобы что ни случилось, всегда знать, что оно есть там, куда смотришь... Вот и нашлось то, что мне никак не удавалось извлечь из себя, товарищ сам его нашёл.

Жизнь торопится, бежит... Мелькают за окном вехи, даты и прочие события, она как поезд, только успевай смотреть по сторонам, многое меняется на её пути. Вот только, только были широкие и красочные поля, через время уже другое, за окном её хмурые осенние леса, безлистые на фоне серого неба. Едешь, едешь они заканчиваются, рядом бежит речушка, небольшая, но воды свои исправно несёт, а если вровень с ней едешь по течению, то она набирает силушку, становится полноводной, бурлит и мутнеет. А в водах её отражается солнце заходящее, как жизнь какого-то человека, какая закончилась рано, мелькнёт отражением своим, отразится в водах и закатится за горизонт. Смотришь в окно бегущей жизни и чувствуешь её неукротимый бег. Бежит, бежит она, не останавливается...

Мне стал забываться разговор с Алексеем о «пятом угле», но не скрою, много размышлял на эту тему, трудную, тяжкую, за которой спрятались не одна и не две жизни, а многие, многие... Пытался что-то записать, но труда немалых это стоило, да и оставил на будущее. Знал одно, если мысль засела, значит точить будет, видоизменяться, но росток прорастёт. Какой он будет – жизнь покажет... Тема не для наскока, не зарисовка дальних берегов, что маячат в тумане. Здесь всё должно быть подчинено конкретике и точности. Форма? а форма это вторично, главное содержание. И чтобы от сердца шли слова, что ж буду стараться в будущем...

Тема «...угла» сама нашла продолжение, о котором я и не думал, а получилось вот как...

Как-то летним днём, знойным и вовсе удушливым ко мне заехал товарищ, читателям уже знакомый и позвал меня с собой. Я спросил.

– Далеко ли? – вопрос «куда?» не задавал, «не закудыкивал дорогу», ещё в детстве отучился...

– Увидишь, – последовал краткий ответ, – Просто надо навестить моего знакомого, почему? На месте поймёшь... Здесь рядом...

Мы подъехали к старому дому этажа на два, той ещё дореволюционной постройки из бурого красного кирпича со всевозможными орнаментами по периметру. Зашли в подъезд. Пахнуло затхлостью и сыростью. Даже после жары такая прохлада не обрадовала. Прислушался к себе, идти не хотелось, а повернуть назад не отважился, не стал разочаровывать своего приятеля. Стены подъезда были обшарпаны, местами и вовсе с обвалившейся штукатуркой, расписаны какими-то безвкусными граффити, какие часто можно увидеть на любых маломальских поверхностях. Настоящий бич современных стен, пошлый и неряшливый. Мы поднялись на второй этаж, Алексей постучал громко требовательно, но ответа не последовало. Я усомнился в присутствии, а дома ли хозяин. На что товарищ уверенно сказал.

– Дома, уверен в этом, спит наверное..., – постучал ещё громче.

Послышалось ворчание и откровенные возмущения, посылающие нас далеко. Я был в недоумении, но Алексей ещё громче стукнул в дверь и она отворилась. Первое, что я увидел, был взлохмаченный заспанный человек, злой и даже свирепый, но увидев моего друга, осклабился и мило заулыбался. Тут же юркнул куда-то в сторону и громко проговорил.

– Друже мой, приведу себя в мало малейший вид, сейчас буду.

Мы вошли. В нос ударил, просто наотмашь врезал нам стойкий запах перегара, табака, алкоголя и всех сопутствующих вонизмов. К этим запахам, если можно так выразиться, добавлялись запахи краски и её разбавителя, я хорошо их знаю, есть друзья художники. Теперь я понял, куда меня привёз Алексей... Все стены были завешаны работами живописи, и должен сказать не совсем последнего пошиба. Не было в них сверх гениального на беглый взгляд, чтобы врезалось в память, а довольно талантливые работы. Вперемешку с видами природы, хотя они были в меньшинстве, висели работы абстрактного характера, но не дребедень всякая, а в них угадывался какой-то смысл.

Вспомнились работы абстракционистов, которые когда-то мне довелось увидеть в Питере. Запомнились две работы, автора не запомнил, но они меня впечатлили. Одна называлась «Прерванная нота», вторая «Незавершённый аккорд». Так вот, они меня заставили возле себя остановиться и всмотреться в линии и цвета, красками нанесённые. Художник вольно, размашисто бросал краски на холст и они послушно легли в те линии, какие читались как «прерванная нота». Я пытался усомниться в восприятии, увидеть в этом вербальное действие названия работы на меня, но нет... На холсте художника действительно рвалась в своём высоком полёте нота, в её зените... «Воскреснут звуки – и замрут опять...».^[16] Тоже было и с «незавершённым аккордом». Так вот работы, что висели на стенах, были не без мысли, содержательными. Это не знаю как, но чувствовалось. Мною часто воспринимается не умственно, а на каком-то интуитивном уровне, а я люблю живопись, не мазню. Это была она – живопись!.. Многие полотна были приставлены в хаотическом порядке вдоль стен, местами и вовсе сваленные в кучу. Да! здесь торжествовал беспорядок в своём величии...

В ванной что-то полетело, зазвенело, послышалась ругань, на свою неосторожность.

Я стал дальше осматривать комнату. На столе царил, по-другому не скажешь, полный бардак присущий опустившемуся человеку. Недопитое дешёвое вино, какие-то сухари и валялись крошки разных сортов и размеров на столе и полу, смятая бумага упаковок и классикой довершала картину, недоеденная рыба. Готовый натюрморт для художника.

Минут через десять показался хозяин. Ну что можно было сказать? За то короткое время, что он провёл в ванной вряд ли можно «омолодиться». Кое-как расчёсанные волосы, недельная небритость, хорошее некогда лицо смотрело на меня глазами умными, внимательными, но к сожалению помятое частыми запоями и нет-нет, да поглядывающими на недопитую бутылку.

– Друзе мой, я совсем тебя не ожидал, – обратился он к товарищу моему, – а я вот видишь бухаю уже с неделю, никак выйти не могу, вроде как и незачем... Продал работёнку одну, так себе несерьёзную, вот и понеслась душа в рай...

– Да не в рай она у тебя несётся, а в самое пекло. Был же у тебя недавно, вроде как остановился, вроде же работать начал... Не могу же я с тобой жить... и водить за ручку. Я за дверь, а ты в гастрон? Вон и пойло у тебя препакостное, а впрочем какая разница какое оно...

Алексей представил меня своему другу, я пожал руку. Рука шершавая с мозолями, крепкая. Ещё подумалось, что рука такая должна принадлежать человеку волевому, но не такому, что предстал предо мною.

– Вы простите, но внутри горит всё, я приму на душу, мигом...

Налил из бутылки остаток в стакан, с торопливостью опрокинул в себя, зажмурился, скривился и непонятно было, от удовольствия или от омерзения, скорее от двух одновременно. После этого произошёл резкий поворот к напускному веселью и словоохотливости. Она была запертая внутри, а теперь перед свежим человеком стала выпирать наружу.

– А вам какие больше работы по душе? Вот эти ранние, это начало моего баловства, всё нас учили натуре, правильности, а меня воротило на абстракционизм, на кубизм, знаете это течение? – я кивнул головой, – так вот кубизм быстро отошёл от меня, мне больше ложится абстрактный экспрессионизм, там мысль ложится как ей вздумается, бросил мазок и вот тебе и мысль улеглась. А это сейчас в большом интересе у любителей живописи. Такие полотна и берут с охотой.

Я не был великим знатоком абстрактной живописи, если у меня возникало что-то внутри, какой-то отклик, я проникался и было такое редко, большей частью я руководствовался словами Святослава Рериха, который на вопрос, а вам нравится такая живопись? он ответил примерно так, что если бы то, что изображают абстракционисты вдруг ожило, то каково было нам живущим людям среди такого хаоса жить.

Это вольными словами я и выдал своему новому знакомому.

– По мне, так это хаос мыслей и никакой, убей меня! гармонии я не нахожу, но..., должен признаться, что за редким исключением есть работы ассоциативного плана, которые я не могу отвергнуть. Имеются такие и среди ваших плотен. Я показал какие...

Он обрадовался, хотел тут же, я так думаю, ввергнуться в поток красноречия о великом значении ассоциативной живописи, но его прервал Алексей и отвел в сторону. Были у них свои секреты, да мне признаться было это на руку, не люблю излишнюю говорливость, напитанную опохмелятором.

Я продолжил осматривать работы его, остановился на вещи, на которую было непросто смотреть, она вызывала тревогу. Помню, на первый взгляд хаосе линий и цвета, проглядывались множество написанных углов, причём неявно, но они проступали и было неприятное ощущение, словно вонзались в меня своими острыми краями. Наверное и было так задумано. Это были они, «пятые...», колкие и безысходные. Я отвернулся к другим работам, но эта запаала в меня. Долго ещё впоследствии, я чувствовал её воздействие, и работу углов, их остриё. Думаю, что писалась она после разговоров с Алексеем. Чувствовалось, что автор вложил в неё всё видение своего недуга. Это было талантливо, сильно размашисто и по цвету каким-то образом соответствовала той проблеме, какая вселилась в художника. Он изобразил углы, которые не мог никак из себя выкорчевать, они навечно остались на полотне и в нём.

Когда они вернулись, я уходя сказал, чтобы больше писал природу, солнце, рассветы, закаты, они своими красками могут сгладить углы, которые он изобразил на другом своём полотне. Он понял о чём я и грустно ответил.

– А вот вы о чём, а не пишется, не могу себя заставить, не могу краску нужную подобрать, выбрать тона соответствующие... Что-то во мне умерло, а раньше вон видите краски сияли, в них жизнь была, она была ключом, а теперь..., теперь...

И не закончил мысль, погрузился, похмелье заканчивало своё действие, возвращалась действительность, а была она мрачной, безысходной. Посмотрел на меня теми глазами, какими смотрят, как на последнюю надежду, мол «спаси меня!». Это было видно, чувствовалось. Пожал мне руку и попросил напоследок прийти к нему ещё, он будет в полном порядке... Я пообещал... Вскоре попробовал выполнить обещание, зашёл к нему, вернее попытался, да дверь мне никто не открыл, а я не решился громко, как мой друг тарабанить в неё. Больше я его не видел. Свои дела, проблемы, которые насыпаются ворохом ежедневно отодвинули на далёкий план мысль о повторе посетить художника. А о нём мой товарищ напомнил, спустя незначительное время.

Мы сидели за своим традиционным ритуалом и пили кофе. Товарищ был уж совсем каким-то задумчивым и слабо реагировал на всё вокруг, не как обычно. Я спросил его, в чём дело, есть причина?

Он улыбнулся грустно, глаза его тёмные от природы, куда-то совсем провалились, заглядывали в невообразимое далёко, вот оттуда он и посмотрел на меня.

– Помнишь, мы были у художника, ну что писал на абстрактные темы, тебе они ещё показались стоящими, не без таланта и смысла. Так вот нет его уже, скатился окончательно. И как я его не старался удержать, нет! Не смог. Последнее время видимо чувствовал близкую кончину, всё плакал, нет, не жаловался, а словно оплакивал свою вот так загубленную жизнь. Тяжело было глядеть на это, у самого плакало, я тоже понимал – конец близок. Говорил мне: «Алексей, друже мой, я ведь не выползу, нет у меня этой самой воли что ли... Тянет и тянет вниз, а наклонная всё круче». И такая в глазах его была тоска, понимаешь, тоска, что не плакать с ним я не мог. Понимаешь, я плакал вместе с ним, упрашивал, чтобы хоть как-то поднапрягся, где-то отыскал силёнки сопротивления... А их уже не было... Я ему показывал на его работы, чтобы он в творчество уходил с головой. Он мотал головой и рыдал, со всхлипом, тяжело... Рядом с ним находится последнее время было равно выжатому лимону.

Алексей смахнул набежавшую слезу и продолжил говорить, медленно, голосом не свойственным ему, глухим, со слезами...

– Знаешь, я любил его, как человека, многое нас связывало по жизни. Он был добрейшей души человек, человечие... Но как и многих талантливых людей, всякая нечисть тащит на дно, а потом он уже сам туда стремится. Знаешь как это случается у художников, доходит он до момента, когда работы признаются, покупаются, поселяются в кармане деньги, срабатывает чувство вольности, всё могу и весь мир скоро будет у ног. Заводятся дружки-собутельники, ох! я их хорошо знаю, природу ихнюю худую, а как к беде кто движется, то сразу в кусты, или сматываются, если зачуют, что деньги заканчиваются... Так постепенно скатился он к разводу с женой, а это то, что для мужика самое губительное. В одиночестве стал ещё больше заливать за шиворот, ну и залился «по немогу»... Это тот случай, когда я ему своим примером показывал, что можно вылезти, сколько раз говорил, что всё возможно, просто сначала пожелай в мыслях прекратить пить, захоти!..., а потом всё остальное. Говорил, что хотел, но не помогает, а других сопутствующим желанием вещам видимо не придавал значения. А ладно... Что теперь, нет его... Остался холмик насыпной над жизнью друга и венки, да дешёвые над могилой речи... Мол безвременно ушёл талант и прочее неподобие. Невыносимо жаль его, всё говорил мне «друже мой»... И как здесь не нажраться, как сдержаться?.. Признаюсь, что были моменты, когда захотелось так хлобыстнуть стаканчик крепенького, аж в глазах мутнело, но знаю, это он, что сидит на левом плече. Это его проделки, нащёптывающие... Только поведёшься, он возрадуется... Не дождётся!..

* * *

После этого с Алексеем разговора я заставил себя сесть и подойти к теме «Пятого угла» серьёзно. Достал обрывки своих записей, впечатлений и воспоминаний, что сразу заносил после разговоров с Алексеем, покопался в памяти, где это было и как это было, какие это были слова. Трудно спустя время в точности выводить слова и речи, но это и не надо, надо в точности воспроизвести смысл и содержание, что вкладывает рассказчик, в этом проблема. Постепенно, не сразу, стал вырисовываться рассказ, не с захватывающимся сюжетом, а трудный, трагичный, за полем которого стояли не одна человеческая жизнь, а печальная участь многих, кто свою жизнь отравил, а потом и загубил. Немногим людям, что смогли себя вытащить, взять в оборот и выскочить из трясины, благодаря таким, как Алексей, кто не побоялся обозначить в себе проблему, которую теперь и озвучиваю. Им, кто приложил все усилия, кто напрягся до накала, кто победил себя, свою страсть и посвящая свой рассказ.

/сентябрь-ноябрь 2023 года, Калгари /

[1] Отрывок из поэмы Аксакова Ивана Сергеевича «Мария Египетская»

[2] Книга Притчей Соломоновых, гл.4, стих 24

[3] Жорж Куртелин (1858—1929) – французский писатель

[4] Строки стихотворения *Фёдора Тютчева*

[5] *Триггер* – в общем смысле, приводящий нечто в действие элемент, в значении глагола «приводить в действие»

[6] Четверостишие поэта Николая Доризо

[7] Преподобный *Антоний Оптинский* «Поучения Оптинских старцев»

[8] Из книги Николая Александровича Уранова «НЕСТИ РАДОСТЬ», Письмо к другу от 25.11.74. с.351.

[9] Цитата из книги Гоголя Николая Васильевича «Выбранные места из переписки с друзьями», гл. «Женщина в свете»

[10] Книга Притчей Соломоновых, гл.6, стих 29—31

[11] Эти правила расписаны в рассказе «Один день»

[12] Из письма Блаватской Елены Петровны своей сестре Вере Петровне Желиховской, в вольном пересказе

[13] Японское хокку Мацуо Басё (1644—1694)

[14] Евангелие от Иоанна. Глава 15. Стих 5—6

[15] Японское хокку Хаттори Рансэцу (1654—1707)

[16] Строки из стихотворения Фета Афанасия Афанасьевича

«ВСЁ ВО МНЕ И Я ВО ВСЁМ!..»

*Мотылька полет незримый
Слышен в воздухе ночном...
Час тоски невыразимой!..
Всё во мне, и я во всем!..
Сумрак тихий, сумрак сонный,
Лейся в глубь моей души,
Тихий, томный, благовонный,
Все залей и утиши.^[1]*

1

Накануне скорбной годовщины он вырвался из Петербурга. Город душил своими раскалёнными проспектами, набережными, чугунными мостами. На волю, на простор, где всё своё: пролески, опушки, поймы речек, луга, которые уже шесть десятилетий были ему знакомы. Сюда в окрестности Овстуга, где ребёнком гулял по округе со своим дядькой и где слушал птичий переключ, рассказы своего воспитателя, прислушивался к говору народа... На родину свою не часто, но любил приезжать, чтобы надышаться вволю перед новыми испытаниями, что привыкла отсыпать ему жизнь... Не утомляясь глядел вдаль на закаты солнца, на медленное угасание дня и при этом вволю размышлял, думал, думал, заряжаясь новыми силами, энергиями... Странно, сюда на родину он стремился, но не мог жить долго... Может, дело всё в его характере, натуре, в его мире неуёмной фантазии?.. Для него в детстве не существовало границ между действительностью и мечтами. Мир какой был тогда, когда маленьким мальчиком начинал здесь жить, он был для него огромным или казался таковым, в зрелые года сжался до реального, лишённого детского воображения. «... Старинный садик, четыре больших липы, хорошо известных в округе, довольно хилая аллея шагов во сто длиною и казавшаяся мне неизмеримой, весь прекрасный мир моего детства, столь населенный и столь многообразный, – все это помещается на участке в несколько квадратных сажень...». ^[2]

Уже при подъезде к родным местам случилась незадача: отвалилось колесо у кареты. Сидеть и смотреть, как кучер занимается починкой, было невольно и скучно... Он взял трость и пошёл по дороге. Солнце подкатывалось к горизонту. Летний день, жаркий и душный, заканчивал свою жизнь и плавно, с неохотой, отдавал вечеру тепло. Свет угасал, медленно разбавлялся наступающими сумерками. *«Уж солнца раскаленный шар с главы своей земля скатилась...»*.^[3]

Август ещё сопротивлялся следующей за ним осени, но тут и там были заметны его уступки отдельными пожелтевшими листьями и пожухлой травой, а в местах, где прошли по лугам косцы, свежесть отросшей отавы бросалась в глаза полянами зелени... Дорога шла вдоль края леса, самый раз в сторону, где садилось светило. Было в природе и таинственно, и печально соответственно. Есть своя прелесть и загадочность в наступающих сумерках, в них он чувствовал какое-то безвременье. В свете подходящего к окончанию дня всегда находил он тихую радость, почему-то одновременно жалость и грусть особого рода.

Невыносимо было в годовщину смерти любимой усидеть где бы то ни было. Медленно, тяжело ступали ноги по пыльной тропе. А в голове при любых условиях и обстоятельствах свободно, без напряжения складывались стихи, составляемые его внутренним миром, его гением, его горем.

Вот бреду я вдоль большой дороги
В тихом свете гаснущего дня...
Тяжело мне, замирают ноги...
Друг мой милый, видишь ли меня?

Справа открывался вид на пойму реки с убегающими на другом берегу холмами и перелесками, и по мере удаления их от наблюдателя становились они, подёрнутые дымкой, усиливающейся расстоянием. А ближе к горизонту виделись как в тумане. Лента реки поблёскивала на заходящем солнце, удаляясь, искрилась. В ней отражался закат то ярко-оранжевым пламенем, то ярко-багровым и опять переходящим в оранжевые тона. Вид, открывшийся в прогалине деревьев, был живописным, сенокосные луга спускались к речке, а за ней они уже поднимались к первым кустарникам, затем к леску. Вдалеке колосилась золотистая рожь. На своих полях принимала тружениц-жниц... Видно было, как споро и ходко шла их работа, виднелись в немалом количестве сложенные в суслоны снопы, изредка доносилась песня. Работницы приставляли ладонь ко лбу, вытирали пот и смотрели в сторону заката... Заходящее солнце заливало округу своим мягким розоватым светом, слепило слегка глаза и вызывало какое-то давно забытое чувство своей сопричастности к виденному и да, тогда, в далёкие годы, он застыл в такие минуты и опять глядел, глядел, и дядька, его сопровождающий, не смел его тревожить. Он словно растворялся во всём *«всё во мне...»*.

Недалеко, на опушке, увидел упавший дуб... Остались от него только ствол да торчащие из ствола большие сучья. Остальное сожгли проезжающие путники, а местные крестьяне развезли по своим домам как дрова. Чувствовалось, что некогда это был исполин. Рос мощно, раскидисто и кронами своих многочисленных ветвей защищал в непогоду и в жару путников от дождя, от зноя... Закончилась некогда его жизнь, но и сейчас видно было, как часто здесь останавливаются те, кто вечно куда-то стремится, а на Руси, как известно, много скитальцев, богомольцев, какие движимы своею непоседливостью и устремлением идти и идти...

Не мог Фёдор Иванович пройти мимо, не мог и подошёл к колюче. Ствол был отполирован когда-то сидящими на нём. Присел и он... Не было ни души... Он и природа!.. *«Всё во мне и я во всём...»*. Этого и хотел, это то, что соответствовало его теперешнему состоянию: никого не видеть, не слышать, ни с кем не разговаривать. Ему надо было побыть одному... Огляделся: вид открывался чудный своими тонкими переливами красок и игрой их оттенков. Его отношение к природе было всегда восторженно-восхищённое, как к существу, у которого нет слов *«от жизни той, что бушевала здесь, от крови той, что здесь рекой лилась...»*. Природа занимала в его воображении видное место, в ней находил отдохновение и в ней видел такой мир, который обступал его и внешне, и внутренне, словно чувствовал загадочную, величавую поступь её.

Все темней, темнее над землею —
Улетел последний отблеск дня...
Вот тот мир, где жили мы с тобою,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

Вид поваленного временем дуба, этого исполина, поневоле связал с его собственной жизнью... Когда-то крепкий и могучий стоял непоколебимо под грозами и ветрами, и так много, много лет, но всему есть своё время... Постепенно старели корни. Их подтачивали всякие подземные живые существа, что в обилии водятся не только на поверхности земли, но и под нею. Стали иссякать силы в них, перестала энергия земли и соки живительные подниматься по ним в ствол и крону, и не могли корни уже прочно связываться с землёю, постепенно отмирали. Ослабевала связь с основой земли, и надо было только силушке небесной подтолкнуть бога-

тыря. Такая нашлась. Набежала буря, поднапрягся ветер, и с грохотом, стоном упал кряжистый могучий исполин...

Так и у него подтачивались силы, уходили жизненные соки, таяли связи с этим миром. Покинула, ушла в мир иной та, что была в последние годы его отдохновением, его отрадой, о которой столько передумал, перемыслил, перестрадал... Вскоре за своей матерью покинула этот мир его дочь, четырнадцатилетняя Елена, а следом и сын, младенец Николенька... Что будет впереди? «Господь милостив – поживём увидим». Он помнил: так говорили в простом народе, так и он научился говорить в свои года...

Завтра день молитвы и печали,
Завтра память рокового дня...
Ангел мой, где б души ни витали,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

Он присел на ствол дерева, провёл ладонью по волосам, постарался пригладить их, но напрасно, непокорные с детства всегда оставались взлохмаченными. Это придавало часто вид человека небрежно относящегося к своей внешности, что собственно и отмечали в нём его современники. Опёрся на трость двумя руками и остановил взгляд на открывающемся виде... Со стороны путник увидел бы старика в длиннополом сером плаще, без шляпы... И никто бы в нём не узнал одного из гениальнейших людей, философа, дипломата, чьи трактаты на историческое положение современной ему России читал сам император. Хорошо знающий его знакомый писал: *«Между тем его наружность очень не соответствовала его вкусам; он был дурен собой, небрежно одет, неуклюж и рассеян; но все это исчезало, когда он начинал говорить, рассказывать; все мгновенно умолкало и во всей компании только и слышался голос Тютчева»*.^[4]

День догорал... Фёдор Иванович очнулся от бегущих дум... Станные они, бегут и бегут, то касаются страниц детства, людей, окружающих его, то соседствуют с его седыми годами. Причём так быстро перелетают с одного на другое, что не всегда уследишь за ними и не всегда управишь строптивыми. Он стал любоваться далёкой картиной, где краски тускнели, блекли... Солнце огромным красным шаром собиралось закатываться за далёкий лесок, уже лёгкие языки тумана начали спадать в низинки и там сгущаться. Жницы на полях собирали свои нехитрые пожитки, но удивительно, несмотря на усталость, они пели! Вслушался в песню, что доносилась до него от работниц полей, ему песня была знакома. Он помнил её по детству, по тем счастливым годам, какие как-то быстро пробежали по полям его жизни. Внутри зажалось, сгустилось в комок боли, сожаления, пробежало по телу... Он всегда чувствовал не только свою, но и чужую боль. Так бывает, когда человек подобный Фёдору Ивановичу, имеющий организм «тонкий, сложный, многострунный», отзывается на чужое страдание...

А слова то какие были у песни – простые, но трогательность в них необыкновенная...

Выходили красны девицы
Из ворот гулять на улицу.
Ой, люли, ой, люли, ой, люли,
Из ворот гулять на улицу.

Слова, память о них, передаваемая из поколения в поколение, напомнили ему ту глубинную связь, какую питал народ с древности. Он каким-то образом всегда чувствовал её, она жила в нём и часто в такие моменты напоминала о себе, особенно в те годы, какие назывались годами, прожитыми на чужбине *«Уйди в себя, в свои воспоминанья, – и там, глубоко-глубоко, на самом дне сосредоточенной души, твоя презренная, тебе одному доступная жизнь блеснет перед тобою своей пахучей, всё еще свежей зеленью и лаской и силой весны!...»*.^[5]

Соловеюшка расвищется,
Красны девки разгуляются.
Ой, люли, ой, люли, ой, люли,
Красны девки разгуляются.^[6]

Слова песни были то отчётливо слышны, то затихали в отдалении, потом опять приближались и можно было различить слова песни. То ветер игриво подшучивал над его слухом...

Вспомнились строчки Якова Полонского...

Пой, пой, свирель!..
Погас последний луч денницы...
Вон, в сумраке долин, идут толпами жницы,
На месяце блестят и серп их и коса;
Пыль мягкая чуть-чуть дымится под ногами,
Корзины их шумят тяжелыми снопами,
Далёко звонкие их слышны голоса...^[7]

Подумалось ему: «Вот ещё один, талантливейший поэт! Как долго не складывалась его жизнь... Сколько же тягот жизни может выдерживать душа!.. Не самое громкое имя в поэзии, а как чувствует душа природу и вместе с ней самую жизнь... Полюбуйтесь, как жизнь иллюстрирует поэзию! А поэзия?.. Не из самой ли жизни берёт начало?..».

Словами да на бумаге долго события описываются, а мыслью и думами мгновенно пролетают. Мысль единственная побеждает пространство и время, она способна мигом быть в любой точке, на любом расстоянии, переноситься из прошлого в будущее, побыть там и быстро вернуться к своему хозяину. Живущим на земле в физическом теле нужны мысли, чтобы продумывать и проделывать работу и, выполнив дела, какие жизнь диктует для человека, хозяин должен научиться избавиться от неё, чтобы не засорять свои думы их обрывками, освобождая место для новых мыслей... Мудрецы так советуют. Голова должна быть ясная, а мысли естественно свежими для выполнения иных задач, какие всегда задаёт людям жизнь. Фёдор Иванович мыслью владел, мог на основе знаний предмета, хода истории предположить и видеть на несколько шагов вперёд... Старшая дочь Анна так и называла его Кассандрой ^[8] «... *ему выпала роль Кассандры «...». Своим ясным и тонким умом он предвидит все бедствия, которые являются последствием нашей глупости...*». ^[9]

Единственное, чем не мог овладеть, то была смерть... В ней видел законченность, конец и остановку бега жизни... Оставалось одно – это примирение с ней, осознать неминуемое... Осознание пришло, когда он смирился с неизбежным, отдавая себя на волю сил Высших. Пришло трудно, с неохотой, да была на то воля этих сил, которые подводили его к возможности осознать неотвратимое – переход от жизни земной к жизни вечной. Многие друзья, приятели, дорогие его сердцу родные уже смогли «узнать» этот переход и увидеть, что же за чертой этой жизни, ужас или радость и какой он тот мир, который движется параллельно пути земному... Их уход и «узнавание» прошло через его боль...

Долго ли ему оставалось двигаться, находиться на этом свете – не знал, и это давало надежду на завтрашний день, на возможность расширения его творческого мира, в силу своей деятельной натуры. Это получалось само собой...

День окончательно погас, и сумерки перешли в серость вечера. Пала роса, от реки потянуло холодком. Ещё какое-то время и звёзды усыпят тёмный свод. Фёдор Иванович любил этот момент. Ощущать своим естеством пространство было непостижимо интересно... Словно входило в него объёмно, захватывая всего и он поддавался этому, растворялся. В нём пульсировала жизнь, которую объять не было никакой возможности, но она касалась его мира и он чувствовал это прикосновение.

Уж звезды светлые взошли
И тяготеющий над нами
Небесный свод приподняли
Своими влажными главами. ^[10]

Поёжился, встал, пора было возвращаться к экипажу. Он посмотрел на уже давно погибшее дерево, мысленно пробежал по его жизни с ростка и до момента падения и почему-то поклонился ему «*Всё во мне, и я во всем!..*», затем погладил отживший ствол и быстро пошёл. Не было в ногах той усталости, в теле разбитости, с какой он подошёл к этому месту. Карета на дороге уже ожидала его. Кучер, давно устранивший неполадку, нетерпеливо перебирал в руках вожжи и с трудом сдерживал коней в упряжи, отбивающихся от вечернего гнуса.

– Барин, едемте что-ли? Время позднее... Надобно было до сумерек добраться, да Господь не сподобил... Так-то вот... Но-о, милые, погоняйте скоро!.. – цокнул кучерским звуком подгоняющим коней, и карета тронулась в путь.

Устроившись, Фёдор Иванович закрыл глаза... Вот тот миг, когда им овладевали думы, побежали-побежали в такт раскачивающейся карете по полям, по перелескам его пролетевшей

жизни. Дорога эта была разная, редко где ровная и гладкая, а всё с рытвинами и ухабами. Мог ли он припомнить, в какое время он катил по ровной, гладкой дороге? припомнил..., разве что в детстве. В этой поре чистой и незамутнённой житейскими проблемами всё было гладко и пристойно.

4

Карету резко подбросило. Тютчев вздрогнул, очнулся от своих дум, в них его жизнь бежала вереницей отрезков, то бурных по сути своей, то плавных, из каких состоит сама жизнь... Можно было и поспать в дороге, но сон не шёл... Особенность, редко спать в пути, его выматывала, так что приезжая в пункт назначения или на промежуточную станцию, был часто разбитым и вялым. Добирался до номера измождённым, измученным.

– А что опять незадача, уж не поломка ли? – спросил Фёдор Иванович...

– Господь миловал... В ямку вскочили... Виноват-с.

– Скажи-ка, голубчик, далеко ли ещё?..

– Да подъезжаем, барин, слава Богу! добрались почитай... Вона и огни проглядывают.

Тютчев выглянул в окно кареты. Выглянул в ночь. Вокруг темень стояла хоть глаза выколи. Были видны огоньки деревни, а там знай далеко или близко, ночью расстояние обманчиво, но до слуха донёсся лай собак... Да, точно «добрались почитай».

Скоро карета подъехала к господскому дому, из него выскочила Мария, дочь, а за ней показалась его Эрнестина. *«Каждый год, едва зима переваливала через Рождество, в доме Тютчевых начиналась размеренная и деловитая подготовка к отъезду. Размеренной и деловитой она была потому, что все заботы брала в свои руки Эрнестина Фёдоровна. К середине зимы из Овстуга от управляющего имением Василия Кузьмича Стрелкова уже приходили все денежные переводы, или, как они тогда назывались, посылки – доходы от проданного урожая и продукции сахарного завода».*^[11] Ранней весной Мари со своей мамà уезжали в имение Овстуг, а он редко с ними, да наезды его в Овстуг были короткими. С годами её стать, стройная и изящная раздалась, но грации и плавности движений не утратила. Его Нести, верная и всё понимающая... Сколько страданий он принёс ей, а она всё приняла, перенесла и осталась ему верной опорой до дней сегодняшних. Удивительная женщина! Она не переставала его не просто удивлять, а глубоко думать о ней и как мог он старался лишний раз не наносить ей душевной боли. Он старался, а как было?.. Знал точно, что угрызение совести у него не переставало точить и саднить нутро... Боль, боль, боль... Не уйти от неё, не спрятаться, да уж видно так Господь управил жизнь его, чтобы с болью породниться. Его Нести с некоторых пор перестала вмешиваться в его личную жизнь, но за здоровьем следила неукоснительно и строго выговаривала ему, если её Фёдор забывал делать ванны для лечения ног и другие процедуры, «настоятельно прошу тебя: возьми строгие меры по лечению ног своих, ты решительно противник здоровью своему». Потом наказывала слуге каждый вечер готовить ножные ванны. Ноги его сдавали и были вечера, когда они ныли тупо, тянуще, спаса от таких болей не было, они занимали всего его, и поэта, и дипломата... Увидев её грустно подумалось: «Тяжёлый крест сам для себя! А для неё и подавно...».

– Маменька, папà приехали, – радостно и живо обернулась Мари к выходящей своей мамà. Она любила эти моменты, когда в доме их имения собирались все члены семьи и особенно её отец. Беседы между ними были душевными. Мари обладала острым отцовским умом и деловой хваткой своей мамы. Всё вместе составляло в ней не просто интересную собеседницу, что особенно радовало Фёдора Ивановича, но и поверенную тайн новых его творений. Отец частенько диктовал ей свои стихи, чтобы она быстро их записала. Эти стихи поднакопились в голове сочинителя, надо было их скинуть и не держать в памяти... Мария с детства

знала наизусть его стихи и прилежно исполняла при нем обязанности секретаря и описателя куда? и что? с отцом, короче – историографа.

– Заждались мы тебя, Фёдор, уже не надеялись, как вдруг ты... Быстренько в дом и к чаю, самовар готов. Поди совсем околел в дороге, – сказала Нести по-французски медленно на манер русскому распевному говору. Русскому языку научилась, да не всегда могла вернуть нужные слова.

Тютчев, переваливаясь словно уточка, засиделся и ноги побаливали, побрёл в гостинную, а следом слуги понесли багаж. Привёл себя кое-как в порядок, поужинал... Наконец, добрался до кровати... Упал и уснул быстро, сказались дорога, думы, переживания. Сны под старость стали яркими цветными, стали выявлять людей, которые были дороги ему, родители, любимые, дети... «*О, поделись своим наследством – виденьем золотого сна*». Кроме родных снились люди давно забытые им, но вот в другой реальности напоминали о себе. Приснилась и Денисьева, да так живо, что Тютчев проснулся и долго не мог придти в себя, с трудом ощущая реальность. Время ещё не стёрло голос ушедшей, его интонации и пыл разгоряченный, как в пору их ссор. Он сел на кровати, соображая то был сон или явь с голосом умершей. Слова, что когда-то бросила Лёля ему в глаза, сейчас были громкими. Они звучали в голове Фёдора Ивановича, как приговор, как неумолимый рок, который не обойти, не избежать:

– Придёт для тебя время страшного, беспощадного, неумолимо-отчаянного раскаяния, но будет поздно..., – когда вспоминал, всегда страшился этих слов, ведь они стали сбываться...

Тютчев подошёл к окну, растворил настежь створки и впустил поток свежего воздуха. Несколько раз вдохнул и сердце, что забилося после сна птицей в клетке, стало трудиться спокойнее, пришли на память слова, которые он сочинил в дороге...

Завтра день молитвы и печали,
Завтра память рокового дня...
Ангел мой, где б души ни витали,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

– Теперь уже сегодня..., но менять не буду, пусть так, как задумалось... Надо бы сказать Мари, что б записала.

Отпустило... Боль внутренняя ушла, стало как-то спокойней на душе, голоса смолкли, видение сна постепенно отошло на другой, ему положенный план, напряжение сбросилось... Фёдор Иванович прилёг и смог опять уснуть...

5

Проснулся только к обеду... Отдохнувший, выспавшийся Тютчев вышел к чаю. Нести давно хлопотавшая по-хозяйству, спросила мужа:

– Надолго ли ты заехал к нам, дражайший супруг? ^[12] – муж бросил быстрый взгляд на неё, «уж не иронизирует ли?», но никакой иронии не увидел во взгляде, была там, как всегда, забота и участие в нём... Тютчев благодарно вздохнул.

Люблю глаза твои, мой друг,
С игрой их пламенно-чудесной,
Когда их приподымешь вдруг
И, словно молнией небесной,
Окинешь бегло целый круг... ^[13]

– Недельки на две, может и три, как дела управятся, – и тут же почувствовал, что случивил, жену не проведёшь словами, знала она какие дела привели его на родину, чтобы отогреться в семье, привести нутро в душевное равновесие, заправиться от родового имения энергией, а потом опять страдать и мучаться.

Юрий Горбачёв. Беседка в Овстуге

Быстренько позавтракав, Тютчев постарался удалиться в одиночество, благо раздолье было в Овстуге и было где затеряться, но он не стал прятаться, уходить за околицу, а вышел к беседке, что за мостиком. Веял свежий ветерок, было тепло не жарко, на деревне мычали коровы, пели одинокие ленивые петухи. Захотелось побыть наедине с думами, повспоминать. Тут же припомнил Полонского. Яков Петрович в то лето гостил у него, после своей трагедии, смерти сына и жены. Горело всё внутри и плакало... Достать да вынуть такую боль, не было ни сил, ни возможности. Полонский не мог понять, как ещё можно было дальше жить, да друзья в лице семьи Тютчевых душевно и близко поддержали его. Взяли с собой на лето в Овстуг. Здесь можно было обмирать от красоты и простоты природы, она подобно ветерку мягко овивала лёгким прикосновением... Его творческая натура взяла вверх, поэт дал простор взгляду в небеса, а живописец внимательно примечал земные прелести. Они постепенно заполняли пустующее пространство его мира, и горе, огонь душевных мук стал постепенно отходить подальше на задворье. Жизнь брала верх, боль притупилась, стали мысли бегать по полям творчества. Не преминул распаковать ящичек с красками и сделать несколько быстрых этюдов.

Неброская русская природа помогла ему воспрянуть духом. И не только природа, а и существо в милом изящном обличи. То была Мари..., Мария Фёдоровна Тютчева. Та самая, кто не жалея себя помогала живущим рядом и болящим крестьянам, кто отдавала себя до конца, до дней последних, жила не ради себя, а «других для...». «... Она милое творение, умна, добра, и честно правдива, как мало молодых девушек...»^[14]

У Мари не было показного, похожего на тех, кто якобы делал «не ради себя», да которым веры нет. Для себя любимых делали, чтобы почувствовать себя хорошими или же ощутить превосходство своё... Нет веры им! Делают, ожидая благодарности. В ней не было расчётливого интереса. Всё искренне, всё «ради други своя». Удивительная душа, вся в исполнении заповедей Христа. Такая девушка появилась рядом с Яковом Петровичем и он влюбился, а любовь врачует даже душевные раны. Любовью лечился отец Марии, когда давила и не отпускала душевная рана от смерти любимой... Только другая женщина могла помочь, медленно и тихо убирая рубцы душевных мук. *«Тютчев воздвиг алтарь в центре которого поэт поставил женщину!»*^[15] И это правильно, женщине воспевают гимны, ей посвящают стихи поэты, она вынашивает и даёт жизнь... Его спасала любовь...

Но если вдруг из-под покрова
Небесный голос пропоет
И сквозь величия земного
Вся прелесть женщины блеснет,
О, как в нем сердце пламенеет,
Как он восторжен, умилен!..
Пусть служить он не умеет, —
Боготворить умеет он!

– *«Как похожа Мария Фёдоровна на своего отца»*, – думал Полонский, глядя на Мари, – *«На вид нежная, кроткая, воплощение доброты, а ум острый, проникающий во всё до глубины...»*.^[16]

Но судьбе не было угодно составить их семейный союз в силу разных причин... Опять противительный союз «но»!.. Как часто он играет важную роль в жизни людей, а может и не он, а сама судьба вмешивается в дела смертных?.. Кто знает?.. Однако время и пребывание в семье Тютчевых сделали своё положительное дело в мироустройстве Якова Петровича. Боль отошла, он внутренне оттаял и вновь засияло солнце жизни, а дружба двух поэтов, Тютчева и Полонского, продолжалась до самых последних дней Фёдора Ивановича...

А пока он живой, но одряхлевший сидел в беседке и наслаждался округой. Долго не мог здесь жить, но те короткие промежутки времени, что бывал в Овстуге, вбирал в себя воздух, солнце, звуки своей родины. Теперь, вспоминая горе Полонского, Тютчев сам почти задохнулся от своего... Дорога, усталость притупили свою трагедию, а сейчас всё вспомнилось!.. Похоронив год назад свою Лёлю, Елену Денисьеву, он в этом году всего каких-нибудь чуть более двух месяцев, в начале мая, проводил на тот свет дочь, четырнадцатилетнюю Елену и годовалого сына Николая, детей его и Денисьевой. Дыхание перехватило, внутри что-то уже налаженное и успокоившееся вдруг опять оборвалось куда-то в бездонную пропасть... Вспомнил, и боль покатила, покатила и растеклась по телу. То, что старался забыть, вытеснить из памяти опять стало перед глазами ясной цветной картинкой – в одном небольшом гробе лежало тело его дочери, а рядом с ним, днём позже, установили гробик совсем ещё маленький, только сколоченный для его младенца сына.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.